

Академия наук СССР
Сибирское отделение

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА

В. И. Бакштановский

ЛАБОРАТОРИЯ
В ХРАМЕ
СВОБОДЫ (II)

**прикладная этика и моральное творчество:
концепция гуманитарной экспертизы
и консультирования**

Препринт

ТЮМЕНЬ, 1990

Бакштановский Владимир Иосифович.

Лаборатория в Храме Свободы /II/. Прикладная этика и моральное творчество: концепции гуманитарной экспертизы и консультирования/ АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т пробл. освоения Севера. – (Препр.). – II – Тюмень, 1990.

Данный препринт содержит раздел II цикла «Лаборатория в Храме Свободы» /I–VI/. В работе приведены результаты теоретического и прикладного исследования проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования, ситуаций морального выбора. В пяти разделах цикла представлены основные этапы авторского поиска: диагностика современной ситуации морального выбора; формирование рабочей гипотезы; конституирование метода; анализ процесса и результатов этико-социологического эксперимента.

В препринте выдвигается и обосновывается гипотеза гуманитарной экспертизы и консультирования как современной функции этико-прикладного знания, призванной культивировать моральное творчество субъекта в сложнейших ситуациях выбора, характеризующих эпоху перестройки.

инновационной деятельности, любого творческого поиска, предприимчивости; и давайте постараемся не упустить более существенное: риск – не самоцель. И в песне Высоцкого – тоже.

/«И сегодня другой без страховки идет. /Тонкий шнур под ногой. /Вправо-влево наклон – и его не спасти. /Но зачем-то ему тоже нужно пройти. /Четыре четверти пути»/.

Видимо, самое важное здесь – это то, что «четыре четверти» для героя Высоцкого – долг, свободно избранный им самим; с этим долгом он шагает по жизни, которая ведь и правда оказывается «канатом, натянутым, как нерв».

Но оба эпитафия имеют отношение и к современному философу, гуманитария, участвующему процессом и результатами своих исследований в реальной политической практике, особенно – к этику, **развивающему** прикладные структуры «практической философии», выводящему свою исследовательскую лабораторию на прямой, непосредственный контакт с практикой морального выбора личности.

«Заглавие этого произведения было выбрано не без серьезного и основательного обдумывания, которого важные дела требуют от осмотрительного человека». Эти слова Вальтера Скотта я готов повторить дословно. Но выбор моего названия не дает надежды на успех, гарантированный автору, который, «как рыцарь с белым щитом, впервые выступающий в поход», выбрал для своего героя имя, «еще не тронутое и не вызывающее своим звучанием никаких мыслей о добре и зле, кроме тех, которые читателю угодно будет связать с ним впоследствии». Дело в том, что в названии, вынесенном на обложку всего цикла, содержится положительный ответ на вопрос «Свобода... Храм или Лаборатория?» Несомненна дерзость такого ответа, тем более в самом названии работы. Риск априори негативно настроить коллег, взявших в руки эту работу. Очевидны аргументы «против». Во-первых, это сомнения эстетического плана, вкусовые привязанности читателя. Во-вторых, «занятость» символики в культурном контексте нашей ситуации, когда трудный вопрос XIX века /Природа – Храм или Мастерская?!/ вводится в контекст конца века XX. Действительно, еще можно решиться на экологическую дискуссию, но как после «Покаяния» соотносить Лабораторию и Храм?! И, наконец, в-третьих – аргументы, связанные с имиджем гуманитарного знания. Этот имидж требует доминанты самоценного над утилитарным, функциональным, приоритета отношения к миру как к Храму над отношением к миру как Мастерской, а для неизбежных в человеческой деятельности праксиологических подходов позиции «Храма в Лаборатории», таких Лабораторий, которые пронизаны светом Храма.

Аргументы «за»?.. Те же, что приведены ранее (кроме первого, может быть). И это не парадоксальность ради парадоксальности, но объективное качество прикладного этического знания как современной версии «практической философии», вытекающий из теоретических и экспериментальных фактов вывод о потенциале самой парадигмы и особенно – метода прикладной этики, способного сочетать аксиологические и праксиологические критерии; парадигмы и методы, иницируемых для лаборатории Свободы, испытывающей различные «дороги к Храму».

Конечно, оправданность /или неоправданность/ риска, содержащегося в названии работы, обнаружится лишь на финише описания исследований. Поэтому в предисловии постараюсь минимизировать объяснения–оправдания, сосредоточиться на целях и задачах всего цикла репрезентаций, выражающих надежду автора на возможность и необходимость познания – понимания природы

морального выбора, проникновения в загадку переплетения аксиологических и праксиологических моментов морального решения, поступка, линии поведения в целом. Храм Свободы – это и есть образ ситуации морального выбора. Лаборатория же – адекватные таинству выбора экспертно-консультативная деятельность ученого и метод игрового моделирования процесса поиска достойного решения. Знание – метод, в котором научная любознательность обогащена гуманистическими заботами современного общества, мотивирована нравственными исканиями зарождающейся демократии. Именно в такой лаборатории ученый получает возможность диалога с моральным субъектом, диалога, в котором происходит гуманитарное консультирование альтернативных вариантов свободного выбора.

Может быть, было бы легче отказаться от сложных и спорных образов – метафор и не вспоминать ни тургеневского Базарова, ни фильм Т. Абуладзе?! Ведь и без этого очевидно, что подлинно моральный выбор, культура свободного решения – это еще предстоящее нашему обществу социальное изобретение, это еще только начало осознания нового перепутья, ситуации нового освоения. Можно без акцентирования парадоксальности, отказавшись от малейших проявлений алармизма, размеренной интонацией мотивировать обращение к задачам формирования культуры свободного выбора констатацией того факта, что перестройка – ситуация выбора, который предъявлен всему обществу, любой социальной группе, каждому индивиду. Вполне допустимо было бы в той же уравновешенной («академической») манере подчеркнуть, что реабилитация выбора – это шанс, предоставляемый нам историей. Гуманистическая реализация возможности свободного выбора подразумевает способность достойно вынести бремя ответственности, пережить счастье самореализации как доверие, которое утверждающееся гражданское общество предоставляет личности в качестве средства искоренения культа безличности (но в надежде, что этот культ не вернется уже в виде «бесовства»). На той же интонации можно было бы квалифицировать нравственную жизнь человека как непрерывное творчество в его обретениях и утратах, как неизбежный риск и ответственность и за смысложизненные измерения морального выбора, и за воплощение их в конкретных поступках, каждый из которых ставит перед субъектом выбора вечную проблему: «оправдает ли цель средства», «допустимо ли зло во имя добра?». Рациональная рефлексия и борение чувств, необходимость инициативы и компетентности в оценках и решениях, потребность посоветоваться с другим человеком и нравственным опытом человечества, проверить себя на строгих критериях верности идеалу, испытать свою нравственную надежность – все это удивительно соответствует тому потенциалу игровой деятельности, с которым человеческое общество связало свою жизнь еще на первых стадиях развития и который получает интенсивное ускорение в современной ситуации.

Примерно таким могло бы стать предисловие к работе, названной более спокойно, например, «Праксиология морального выбора». К тому же, именно по такой логике пойдет в дальнейшем авторский диалог с читателем. Но...

Современный исследователь–гуманитарий, тем более, если он работает в духе такой ветви «практической философии», как прикладная этика, не может (не должен!) обойтись без обнаженной рефлексии об отношении развиваемой им теории со своим предметом, о специфике избранного (или инициированного им самим) способа теоретизирования. Прежде всего, необходимо самоопределение относительно существующих и практикуемых типов понимания гуманитарности.

Я отдаю себе отчет в том, что «гуманитарность» относится к числу тех понятий, содержание которых крайне не однозначно интерпретируется в современной культуре (может быть, вследствие ее дегуманизованности?). В частности, с этим обстоятельством я столкнулся как соредактор книги, посвященной гуманитарным проблемам освоения. Пришлось структурировать содержание этой публикации не по предметности и не по уровню метода, но по типам гуманитарности, исповедуемым авторами: гуманитарность как постижение смыслов, как рефлексия ценностей, как технология решений. Несомненно, эта типология имеет открытый характер, во-первых, и, во-вторых, любое толкование гуманитарности должно выявить свой потенциал. (Гуманитарные проблемы освоения: – Москва – Тюмень, 1990).

Последнее относится и к версии, соответствующей этико-прикладному знанию: гуманитарность истолковывается здесь как ориентированная на человеческие проблемы форма реализации науки; гуманитарная экспертиза и консультирование в данном случае – технология такой реализации. При этом выбор гуманитарности третьего типа – не противостояние двум другим, а лишь акцент на одну из сторон целого, синтезирующего все три типа гуманитарности искусства диалога теории с практикой.

Поставив диагноз современной ситуации нравственной жизни как ситуации реабилитируемого выбора, содержащей шанс преодоления морального отчуждения, сформулировав проблему мировоззренческой и социально-технологической готовности общества и личности не упустить этот шанс в напряженных, нравственно-конфликтных ситуациях переходного периода, когда особенно трудно принимать ответственные решения, соотносить цели и средства, современный этик должен предложить метод гуманизации морального выбора, метод, который культивирует процесс освоения эмансипирующейся ситуации выбора.

Именно поэтому я намеренно заостряю проблему выбора Лаборатории, сталкиваю «Лабораторию» и «Храм», стремясь уже на старте показать те опасности, которые я осознанно выбрал. Да, в позитивном ответе на вопрос: «Свобода... Храм или Лаборатория»? заложен целый пакет опасностей вырождения гуманистического подхода в сциентистский, «обогащенный» рационализмом, манипуляторством – опасностей, гораздо более зловещих, чем в базаровском видении природы как мастерской. Они могут стать из возможности действительностью не по причине злого намерения, но как цена искушения объяснить процесс морального выбора только как рациональный феномен, исключив эмоциональные, интуитивные («иррациональные») составляющие этого процесса; опасность содержится и в незаметном переходе грани, отделяющей возможность и необходимость управленческого подхода к моральным процессам в управленческий экстремизм; опасность заложена и в соблазне увидеть в науке универсальный ключ ко всем моральным проблемам, не поддающимся немедленному к положительному решению.

Поэтому у входа в лабораторию морального выбора собственный выбор совершает и сам исследователь. И он не может забыть ни о «канате, натянутом как нерв», ни о том, как трудно пройти все «четыре четверти пути».

И, наконец, еще один фрагмент из предисловия ко всему циклу. Замысел всей работы, ее структура и алгоритм поиска представлены следующими этапами.

«Мудрость выбора: дерзость и благородство» – так называется раздел I, в котором перестройка квалифицируется как **ситуация выбора**. Идет анализ

«болевых точек» и «точек роста» современной нравственной ситуации, приводящий к выводу о том, что моральный шанс перестройки содержится в **реабилитации выбора**. Затем исследуется специфика **нравственного конфликта** современной ситуации, и выявляются варианты достойного решения конфликта – в процессе этического обоснования идеи и технологии консенсуса. Еще один параграф этого раздела включает в сферу поиска проблему **праксиологии свободы** – здесь сравниваются арсеналы Добра и Зла. Раздел завершается рассмотрением идеи **воспитания выбором**, основывающейся на том, что для гражданского общества характерно доверие современной морали.

Логика раздела II представлена в оглавлении данного препринта.

Раздел III – «Гомо моралес как гомо люденс: базовая модель этической деловой игры». Здесь концепция гуманитарной экспертизы и консультирования предъясняет свой метод – игровое моделирование. Прежде всего, выявляются мотивы развития современного игрового движения в целом. На этом фоне этические деловые игры раскрываются как **гуманитарная методология освоения** человеком ситуации морального выбора. Далее, показанная в разделе II фронтальная природа прикладной этики конкретизируется через основные черты **этической деловой игры**. Исследование природы игрового моделирования ситуаций морального выбора завершается характеристикой **диалогических отношений в игровой команде**, и в специальном параграфе формулируются принципы и нормы кодекса этического игрового моделирования.

Два оставшихся раздела цикла выполняют задачи перевода **манифестационной дерзости** концепции гуманитарной экспертизы и консультирования в **анализ реального опыта**. Проводятся обстоятельный анализ основных этапов развития метода этических деловых игр. «Самотлорский практикум-I» представлен здесь с точки зрения **технологии выращивания нововведения** – гуманитарной экспертизы и консультирования. **Дух и регламент демократии** – тема, объединяющая серию игр, моделирующих выборы в партийные комитеты разного уровня. **Этос и кодекс Свободы** – под таким углом зрения анализируются игры, посвященные современной политической ситуации, практике подготовки политических решений. Профессиональная этика менеджизма подвергалась экспертизе в серии игр со слушателями равных школ менеджеров (опыт их проведения представлен в самостоятельной главе). Разбором двух игр, объединенных темой «Этика Севера», завершается анализ опыта игрового моделирования. Речь в них идет о человеческом измерении («освоение без отчуждения») арктической политики. Характерно название последнего раздела: «Уроки – если они хоть кого-нибудь могут научить».

Вот теперь, наконец, можно перейти к собственной теме данного препринта.

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА И МОРАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО: КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Возможно, и пришел час, которого ждали многие исследователи – гуманитарии? Предъявлен реальный и конкретный запрос на приложение потенциала этики к практике обновления нашего общества. И «заказ» есть, и «внедрение» предполагается. Готовы ли мы действовать именно в режиме наибольшего благоприятствования? Успеем ли за временем, за темпами перестройки, предъявляющей все новые и новые запросы к нашему профессиона-

лизму?

Вопрос о **современности** этического знания, предназначением своим призванного ставить и решать **вечные** проблемы, возникает в ситуациях их предельного обострения, в переломных, пограничных ситуациях жизни общества. Постановка такого вопроса дополнительно стимулируется открытием новых проблем, вызванных инновациями в человеческой деятельности, актуализируется формированием новых условий для развития морального творчества, «запросом» на новый потенциал взаимодействия этики, морали и воспитания.

Современность этики характеризуется **своевременностью** выдвижения вопросов, **конструктивностью** найденных подходов, **эвристичностью** познавательных средств, типом и уровнем диалогичности взаимоотношений с моралью и, в конечном счете, **адекватностью** «ответов», предлагаемых теоретическим знанием для решения актуальных социально-нравственных проблем.

Один из конкретных показателей современности этики, ее реального участия в нравственном обеспечении перестройки – готовность удовлетворить общественную потребность в гуманитарной экспертизе и консультировании практики принятия важнейших решений. Общее требование к науке – шире внедрять практику экспертизы технических, экономических, социальных проектов, развивать консультативные начала в деятельности исследовательских коллективов – имеет, на мой взгляд, непосредственное отношение к этическому знанию.

I. Лаборатории, которые мы выбираем: тезисы концепции

...Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? – спросил Берлиоз.

– Да, консультантом.

/М. Булгаков. Мастер и Маргарита./

Гуманитарная экспертиза и консультирование /ГЭК/ – особый **вид** практического приложения комплекса научного знания о морали и воспитании, организованного вокруг этического «ядра» – прикладкой этики. Это специфические **цели, способы, формы и результаты** применения этико-прикладного знания к ситуациям морального выбора, к проблемам, встающим перед субъектом решения и поступка.

Это научно-практическая (прикладная) деятельность ученого, предоставляющая ему возможность **личного участия** в нравственном обновлении общества, способ реализации профессионального призвания и гражданской активности.

ГЭК – профессиональная деятельность ученого. Но профессионализм здесь – умение активировать и развивать гуманитарную рефлексию обыденного морального сознания, стимулировать моральное творчество на уровне здравого смысла того субъекта нравственного поиска, для которого совершается ГЭК.

Отсюда – особое отношение науки и практики, специфический вид теоретизирования, нетрадиционный процесс подготовки решения.

Характеристика «гуманитарная» в отношении к экспертно - консультативной функции комплекса научного знания о морали и воспитании в целом –

прикладной этики особенно – выражает широкий смысл трактовки нравственных ценностей как ядра гуманистического мировоззрения, фокуса «человеческого измерения», Очага в Доме человеческих смыслов, являющемся экологической нишей морали. В соответствии с этим **гуманитарная** экспертиза и консультирование ставят различные критерии целесообразности человеческой деятельности (политические, экономические, организационные и т. п.) в соподчинение критерию нравственности; нравственный критерий обладает в этом случае – соответственно императиву о человеке как высшей цели – статусом самоценности, абсолютной целесообразности.

Характеристика «гуманитарная» выражает здесь один из типов гуманитарности, соответствующий технологии реализации научного знания, ориентированного на человеческие проблемы. ГЭК с этой точки зрения – синтез аксиологического и праксиологического (**этико-праксиологический**) подходов к моральному выбору, инструмент этического конфликтологии, предлагающий альтернативным стратегиям разрешения нравственно-конфликтных ситуаций базовую установку на диалог различных моральных позиций (норм ценностей, идеалов) от имени общечеловеческого кодекса нравственности. Диалог здесь – майевтика консенсуса, вдохновленная убежденностью в нравственном достоинстве этики наименьшего зла («морального минимакса»), ненасильственной борьбы со злом, культуры согласия и культуры несогласия как метода сотрудничества или хотя бы сосуществования («согласие выше победы»). Такая стратегия этической конфликтологии составляет основу праксиологии современного морального выбора, сверхзадачу науки об искусстве освоения ситуаций морального выбора как «освоения без отчуждения».

Гуманитарная экспертиза и консультирование **направлены** на развитие культуры современного этического мышления как ценностного основания решений, содержащихся в программах, проектах, акциях официальных организаций и самодеятельных объединений, которые в условиях перестройки становятся соавторами общественно значимых процессов выбора.

Непосредственным **предметом** экспертизы и консультирования является фиксируемый процесс подготовки и принятия решений, контроль за альтернативными социальными технологиями, последствия которых прямо связаны с «человеческим фактором». **Задачи** ГЭК: вскрыть все реальные варианты выбора, выявив ценностные основания, цели – смыслы каждого из них; предъявить прецеденты решений в аналогичных (если они есть) ситуациях; предложить алгоритм поиска; стимулировать моральную рефлексию субъекта, принимающего решение; выработать в диалоге с ним гуманистическую направленность выбора в его аксиологических и праксиологических аспектах.

Участники диалога – субъект ГЭК и субъект морального выбора – образуют целевой междисциплинарный научно-практический коллектив, формой деятельности которого является **игровая команда**. Игровая деятельность выступает здесь как средство решения нетривиальных проблем теории и практики, так и способ формирования, сплочения структур гуманитарного сообщества, предоставляя ему форум, лабораторию, канал **«встречного движения»** науки и жизни.

Наконец, **эффект** деятельности экспертов и консультантов обусловлен результатами предварительных этико-прикладных исследований и разработок, которые предлагаются «заказчику» не в виде «готовых к употреблению», «упакованных» выводов, инструкций, рекомендаций, а воплощенными в **метод решения** уникальных ситуаций морального выбора.

Выражая позицию прикладного исследования, концепция ГЭК обеспечивает приложение этики к практике посредством синтеза комплексов гуманитарного знания. Нетрадиционный для этики как философской науки способ «выхода» в практику (экспертиза и консультирование вполне естественны для психологии, социологии, теории управления и т. п.) и нетрадиционная же форма самой организации научной работы представляются целесообразным решением в условиях жесткой альтернативы выбора этикой путей своего развития: либо тупик самодостаточности, либо междисциплинарная кооперация и новые способы связи с практикой – даже если это нарушает веками наработанный стереотип этического знания. Версия об этике как системообразующем элементе человекознания реализуется концепцией ГЭК через: а) развитие проницающих направлений приложения (этико-управленческое, этико-политическое, этико-педагогическое, этико-экологическое и т. д.); б) конструирование игр посредством встраивания этической доминанты в различные виды игрового моделирования (игры дидактические, инновационные, управленческие, организационно-деятельностные и т.д., разумеется, наряду с конструированием собственно этических игр); в) наконец, через совместную деятельность в целевом коллективе (со-консультирование), деятельность междисциплинарную и научно-практическую.

Концепцией ГЭК программируется эффект кросс-подхода двух идей: диалогического отношения этики и морали, с одной стороны, и игрового моделирования как этической «Лаборатории в Храме», дающего и способ организации диалога, и собственно его язык – с другой. «Искрящий контакт» такой встречи создает эвристическую ситуацию для формирования и развития этического знания – умения, «умения-уметь» – **фронезиса**. Трудноуловимые признаки этой неаксиоматической науки об искусстве морального выбора не даны в отдельности ни в теории, ни в практике. Место и способ их созидания – процесс взаимодействия нравственных исканий субъекта и нравственной мудрости человечества. Именно такой процесс активируется и интенсифицируется посредством ГЭК. Не «обогащение» тем, что уже найдено другими, и в этом смысле – чужим «богатством», не лечение «больного», не «пастырское наставление», но стремление посредством игровой методологии минимизировать неизбежность «одиночества в решении», став соавтором исторического опыта нравственной жизни. Не анонимная теория, адресованная столь же анонимному ее потребителю, а персонифицированная деятельность ученого в отношении уникальных моральных ситуаций – здесь возникает возможность преодолеть барьеры, которые субъект нравственности старается воздвигнуть против казенно-бюрократической морали, перед «этикой без морали».

Игровая деятельность как многофункциональное средство стимулирования, организации и развития диалога этики и морали является системообразующим элементом инструментария концепции ГЭК, ее исследовательских и прикладных проявлений. Этико-прикладная модификация игрового моделирования – **этические деловые игры** – не навязывает морали некий чуждый ей «организационный прием», «инородное средство». Концепция ГЭК «обнаруживает» игровой феномен в самой нравственной жизни и стремится культивировать естественный потенциал системы: этика—мораль—воспитание, возвращая его каждому из трех элементов процесса духовно-практического производства человека как социально-нравственного существа.

Этические деловые игры как конкретное обеспечение методом игрового моделирования задач ГЭК являются непосредственным способом освоения си-

туаций морального выбора – освоения без отчуждения – благодаря возможности испытать все вероятные сценарии развития ситуации, заложенные в альтернативных решениях. Условность моделируемой ситуации позволяет участникам игры поставить эксперимент на самих себе, пойти на риск, гипотетически осуществив то, что не удастся сделать в реальной ситуации – решить все предполагаемые варианты, приобрести за очень короткое («свернутое») время определенный опыт проживания ситуаций, которые весьма вероятны и потому должны быть подвергнуты прогнозу, моральной рефлексии.

Способность воспроизводить все другие виды человеческой деятельности (благодаря «двуплановости»: «условное» и «серьезное» одновременно) и ориентация на культуру «умение уметь» как два существенных признака игрового подхода в любом его проявлении, во-первых, эффект от взаимодействия специфических признаков именно этической модификации игрового моделирования, во-вторых, «обрекают» метод этических деловых игр на моральную инновационность и интенсификацию процессов воспитания выбором. Гуманистическое назначение таких игр, как метода, по сути своей исключающего сциентистскую опасность перерождения прикладного знания – решать за человека, лишать его самостоятельности в выборе, ответственности в действиях – выражается, прежде всего, в снятии всяческих масок с отчужденных форм псевдообщественной морали, в стимулировании нравственных исканий, в воздействии на формирование качеств действительно новой – не опекаемой, свободной, ответственной личности.

Не поддаваясь пока соблазну поставить в один ряд определения «человек–разумный», «человек–моральный», «человек–играющий», концепция ГЭК все-таки решается на гипотезу о том, что метод этических деловых игр является не просто способом организации, инструментом, но и непосредственным воплощением диалога этики и морали, диалога, который ведет «понимающая этика»: в своей герменевтической ориентации она стремится аккумулировать ценности и методы педагогики сотрудничества, гуманистически ориентированной теории и практики управленческих решений, психологического консультирования, собственно этической традиции (моралистики, например). Этические деловые игры – современная версия майевтики, «диалогии», ориентированная на инициирование в процессе теоретического поиска способности порождать прикладные результаты. Поэтому «заказчик» и не обращается к ученому–консультанту, как пациент к врачу или как ученик к наставнику, но познает сам себя с помощью предложенного консультантом поискового алгоритма творческого решения. Метод этических деловых игр нельзя поэтому «использовать» как элементарное «вспомогательное средство». Не является он и некоей универсальной отмычкой, претендующей на сциентистскую **«методократию»**. Важно осознанно противопоставить инструменталистскому эксплуатированию потенциала игрового моделирования, трактовке игры как «формы» отношение к ней как **способу существования** этико-прикладного знания в целом, экспертно-консультативной функции его – особенно. Концепция ГЭК не только не отрывается с помощью этой формы от содержания, но, благодаря методу этических деловых игр, ведет «содержание», определяет его обновление, способствует развитию этического творчества.

В арсенале методов ГЭК своеобразное место принадлежит экспертным методам, прежде всего опросу экспертов, результаты которого включаются в процесс игрового моделирования. В свою очередь экспертные опросы делятся на два вида: экспертов, специально подобранных по набору критериев компе-

тентности, и этико-социологические опросы общественного мнения («демократическая экспертиза»). Особое место занимает экспертный опрос самих участников этических деловых игр. Необходимость сочетания двух видов экспертных опросов, стремление к согласованию их результатов (ибо на этой основе моделируются типичные ситуации и типичные позиции игрового моделирования) ставят концепцию ГЭК перед проблемой соотношения гуманитарного знания как теории морального выбора и здравого смысла в морали и воспитании, перед проблемой, для разрешения которой и развивается версия «понимающей этики».

Установка на диалогичность отношения этики и морали, ученого и лица, принимающего решение, не означает утраты самостоятельности, конкретной ответственности каждой из сторон. «Понимающая этика» не должна выродиться в этику «прислуживающую», ангажированность «социальным заказом» не допускает утраты научной принципиальности; не позволяет и сотрудничества с «заказчиком», открыто отрицающим идею консенсуса различных общественных сил, выступающих за перестройку, стремящимся использовать потенциал науки во имя групповых интересов, противопоставляемых общественному договору. Субъект ГЭК обязан быть критичным в отношении к «заказу». Таково веление профессиональной этики ученого независимо от того, исходит ли «заказ» от наиболее реального на сегодняшний день субъекта принятия решений – (управленческого корпуса, начинающего делить ответственность с демократическими институтами, от формирующихся в условиях переходного периода общественно-государственных структур или же от наиболее вероятного в правовом государстве «заказчика» – самоуправленческих структур общественной жизни. В позиции «заказчика» субъект ГЭК видит отражение всего многообразия нравственной жизни современного общества. Например, за апелляциями управленцев к «человеческому фактору» ученый консультант обнаруживает (должен обнаружить) широкий спектр «болевых точек», внутренних противоречий современной моральной ситуации (между нравами и моральной идеологией, консерватизмом и авангардизмом в духовных идеалах, тенденциями традиционализма и инноваторства в нравственных исканиях, ориентациями на индивидуальную свободу и социальную справедливость и т. п.). Его особая забота – суметь диагностировать извращенные представления о действительной роли морали и воспитания: морализаторство как подмену социальной и экономической политики средствами воспитательного воздействия, использование морали как инструмента манипуляции человеком, формирования «удобной», «послушной» личности, когда не мораль (и воспитание) для человека, а человек для морали (и воспитания). Таким образом, ориентация концепции ГЭК на «социальный заказ» требует разработки профилактических средств против бюрократизации уже самого назначения ГЭК, в ином случае игровой подход вырождается в «бюрократические игры», в «заигрывание» с демократией, наукой, в имитацию перестройки. Здесь ученому равно необходимо противостояние двум «соблазнам»: исчерпать свои стремления влиять на практику принятия решений сотрудничеством лишь с «аппаратной» структурой управленческой деятельности, с одной стороны, поддаться патерналистским притязаниям, сциентистскому экстремизму – с другой. ГЭК – особая культура взаимодействия теории и практики, характеризующаяся признаками «встречно-го движения».

Уже сама квалификация перестройки как ситуации выбора содержит в себе проект ее нравственного обеспечения. Конкретный показатель «заказа»

на такое обеспечение – развитая потребность в гуманитарной экспертизе и консультировании ситуаций выбора, уровень «наукоемкости» практических решений. При этом перестройка – не просто ситуация, апеллирующая к «моральному фактору», но и время возвращения нашего общества к заинтересованному отношению к теории, стало быть, и к этической теории. Перестройка – феномен взаимной потребности науки и практики в гуманистическом обновлении нашего общества

За осознанно предпочтенной лаконичностью тезисного изложения концепции должны последовать теоретическая аргументация и научная конкретизация, а также прагматический анализ на языке фактов и результатов внедрения. Правда, конструктивный замысел работы в целом и авторская манера затрудняют разделение того и другого: в теоретические рассуждения включаются фрагменты анализа опыта игрового моделирования, в анализ игр вплетается теоретическая рефлексия. И все же в данном разделе приоритет – теоретическому развитию тезисов. Логика такого развития отражена в названиях последующих параграфов. Все они объединены стремлением представить экспертно-консультативную функцию этико-прикладного знания как результат поиска этикой нового выбора, освобожденного от жесткой альтернативы, в которой противостояние технократизму трактовалось лишь как поддержка антисциентистских верований и концепций. Логика наших дальнейших рассуждений определенным образом аккумулирует не только «кабинетный» поиск исследователя, но и результаты игрового поиска, которому был посвящен «Самотлорский практикум-1». Видимо, интересно будет сравнить то и другое, когда мы перейдем к анализу этого практикума в специальном разделе. А сейчас...

2. «ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ» НА ПЕРЕПУТЬЕ: АЛЬТЕРНАТИВА ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Привносит ли мышление об этике больше этики в мир?
(А. Швейцер. Культура и этика).

В контексте эпиграфа беспокоит точность восприятия заголовка этого параграфа: нет ли в нем ложного пафоса, излишней драматизации, гиперболизации инноватики? Точен ли диагноз («перепутье»), адекватна ли «точка роста» (прикладная этика)? Но, тем не менее, уже собственный анализ современного состояния этики как практической философии, традиционных и современных способов связи этики с практикой (3, 4, 6) и экспертные оценки специалистов (54, 56, 57) при самом предварительном их осмыслении дают доказательства **проблемности** ситуации, фиксируют очевидное несовпадение возможностей наличного потенциала этического знания и запросов практики.

Диполь (далее будет специально показан именно такой их взаимопереход, как условие эффективности прикладной этики) экспертизы и консультирования как одна из современных практических функций этики дает возможность инициативного ответа на неотложный вызов практики, выраженный в гуманистических общественных ожиданиях, в документах государства, деятельности конкретных социальных институтов, прогрессивных общественных начинаниях. Таким ответом представители этического сообщества пытаются разрешить и собственную неудовлетворенность прежними предложениями этической теории практике, ограниченным потенциалом нормативной этики (у кого сегодня не

поднимется рука, чтобы «бросить камень» в теоретиков морали и воспитания?!), а также преодолеть не востребованность инновационного потенциала «практической философии». Не поддаваясь искушению поиска алиби или смиренного признания неизбежности отставания теории от публицистики и художественной литературы, необходимо дать оценку состояния этики на данном этапе, этапе–перепутье, требующем новых ориентиров, по-новому увидеть ситуацию в отношениях теории с практикой: развитие практических функций этики требует сегодня инициирования, выращивания «заказов» от практики. Такой вывод представляется способом разрешения проблемной ситуации.

В отношениях этической мысли с практикой перестройки просматривается критическая ситуация, которая не может не породить – и породила! – алармистские настроения. Сформулировав вопрос о роли этики (и всего гуманитарного комплекса знаний о морали и воспитании) в общей для современной культуры задаче – готовить личность и общество к ситуациям нового типа, к ответственности за гуманистическую реализацию возможностей свободного развития личности, предприняв попытку определения круга задач этики: а) в ситуационном анализе «болевых точек» и «точек роста» нравственной жизни и воспитательной деятельности; б) в выдвижении и обосновании идей, проектов, программ по преодолению первых и развитию вторых – этическое сообщество сталкивается с набором альтернатив, констатируемых и прогнозируемых в зависимости от результатов диагностики ситуаций и лежащей в основе оценки состояния нравственной жизни парадигмы практического предназначения этики. На полюсах этого набора – «философская» этика и этика «прикладная», между полюсами – различные модели гносеологического идеала практической философии, варианты ответов на вопрос о возможности трактовать этическое знание как **систему типов теоретизирования**, соответствующую системе социальных задач этики, ее социокультурных предназначений.

Познавательная ситуация, в которую вовлечена современная этика, включает возможность уклонения от выбора, пассивной позиции. Это определено настоятельными, хотя и рассогласованными, а то и противоречивыми запросами практики, с одной стороны; активными вызовами от ситуации в самом современном научном знании в целом (социально-гуманитарном особенно) – с другой. Это знание переживает острый конфликт своей неорганичности, пессимизма от разорванности на сциентистские и антисциентистские эталоны теоретизирования (отсюда и постоянное воспроизведение альтернатив интуитивно–дискурсивного, объяснения–понимания, рационального–иррационального и т. п.), перехода в своих упованиях то на одну, то на другую из «двух культур», не доверяя ни одной из них до конца, и поэтому с неизбежностью обнаруживая себя все вновь и вновь в очередном отсеке лабиринта.

В то же время инновационные стремления в развитии этики наталкиваются и на препятствия психологического порядка, требуя для собственно теоретического поиска предварительного преодоления фобий, ложных имиджей, дурных стереотипов, выдвигаемых против нововведений в практические функции этики. Некоторые из этих психологических препятствий видны уже в эскизном описании имиджа этики, каким он сегодня существует в общественном сознании. Так, массовый моральный субъект объявляет себя «читателем – непочитателем» морализаторских публикаций; в глазах лиц, принимающих решения (ЛПР), представитель этического сообщества выглядит человеком, роль которого исчерпывается получением срочного и беспрекословного «заказа на исполнение»; в восприятии многих деятелей культуры этика вообще недееспособна.

собна. В то же время в глазах друг друга этики воспринимаются то как «уклонисты» (уходят в историю этики или в «чистую» методологию), то как «сикофанты» (занимаются прикладными исследованиями в сфере управленческой деятельности).

В такого рода атмосфере естественно вопрошание – саморефлексия этического сообщества: «Что может и чего не может этика?». Допускаю и целесообразность более острого вопроса: «Может ли этика спасти мир?». Разумеется, без самоиронии такой вопрос не эвристичен.

Экспансии «параэтики» – внеэтического знания о морали и воспитании, публицистического, художественного, обыденного понимания нравственной жизни и воспитательной деятельности – вольно или невольно вытесняющей научную теорию (если можно вытеснить то, чего нет; речь идет, скорее, о пустом «святом месте»), необходимо противопоставить (с установкой на взаимодополнительность, а не конфронтацию) инициирование скрытого в практической философии инновационного потенциала. В этом смысле можно сказать, что наступает «звездный час» прикладной этики – именно в ней вырастает концепция ГЭК.

Заявив в названии данного параграфа о том, что этическая наука и этическое сообщество сегодня оказались на перепутье, подчеркнув отсутствие однозначных указателей с подсказкой выбора пути, мне хотелось бы еще раз поставить вопрос именно о **новом** выборе. Недостаточно принять оценку альтернативы «сциентизма – антисциентизма» как не адекватную реальному полю выбора, мало и отклонить альтернативу «морализаторство – манипуляторство». Надлежит пойти дальше – предпринять поиск новых способов практического приложения науки о морали и воспитании, усиливающих традиционные для этики возможности влияния на нравственную жизнь.

Диагноз «этика на распутье» возникает не в любой познавательной и социокультурной ситуации; он следует из трактовки ситуации как **проблемной**, в противном случае этика может и не заметить перекрестка, не узнать его, пройти мимо. Так, например, сегодня этическое знание находится в пике своей критической функции в отношении морали и воспитательной практики. Но что дальше?

Представим себе невозможное – объединение усилий этики и параэтики, индивидуального и коллективного обыденного морального сознания в решении задачи диагностики и, вполне вероятно, в пробуждении общественного сознания. Что может предложить этика, разрушив ложную и наивную уверенность, фиктивные моральные знания и убеждения? Безжалостно дискредитировав инструменты фиктивного воздействия на мораль, надежность которых до поры до времени не вызывала ничьих сомнений, не имея возможности сразу предложить взамен столь же прочную и субъективно удовлетворяющую (60, с. 196–197), – что может предложить этика, чтобы помочь моральному субъекту войти в ситуацию становящейся свободой? Может ли она предложить концепцию воспитания выбором, если не разовьет в своей структуре новых функций?

В поисках этикой нового выбора, достойного места в общей для всей культуры задаче – готовить личность к социальному новаторству и моральному творчеству; в поисках, стимулируемых поразительно высоким авторитетом «параэтики», концепция ГЭК выражает позицию прикладной этики как новой ветви «древа практической философии». Не повторяя рассуждений и выводов, которым посвящены специальные публикации по прикладной этике (5,6,9,45), акцентируем значимость современной интерпретации этики как практической

философии. Речь идет о том назначении этой квалификации, которая не позволяет этическому познанию ограничить свою исследовательскую потребность внутренними целями науки, точнее, требует от исследователя обнаружить конечную цель всей системы этического знания – соавторство с моралью в мировоззренческих исканиях, соавторство, развивающее традиционный потенциал нормативной этики до уровня и формы знания, непосредственно транслирующего свои результаты в практику при «встречном движении» этики и морали. Итогом развития этой системы является этико-прикладное знание как современная структура «практической философии». Формируясь в противостоянии высокомерному отношению «чистой» науки к уникальности нравственной жизни конкретного субъекта, не допуская позитивистского равнодушия к «моральной метафизике», этико-прикладное знание исходит из эталона **диалогичности** в отношениях этики и морали.

Исходит? Естественный «исход» был бы вполне закономерен для традиционных структур этики, но очевиден, органичен ли он для знания прикладной ориентации, с неизбежностью «зараженного» социально-технологическими притязаниями и соответствующими им гносеологическими поисками?

Гносеологический идеал (эталон) теоретизирования в сфере этико-прикладного знания в целом, в рамках концепции ГЭК в том числе, формируется в процессе анализа гносеологической ситуации посредством освоения внутри этического потенциала, предпосылок, содержащихся в социально-технологическом знании, в исследованиях специфики теоретизирования в сфере воспитательной деятельности. Опираясь на результаты такого анализа (9, 12, 13), этико-прикладное знание, развивающее концепцию ГЭК, стремится в ситуации перепутья к определенному гносеологическому идеалу. Что характерно для такого рода знания? Оно осваивает особую – универсальную – сферу человеческой деятельности, каковой являются мораль и воспитание; ценностный компонент этого знания находится в эпицентре теории; в свою очередь оно является теорией с особым сочетанием абстрактно всеобщих и конкретно-всеобщих понятий и, наконец, по преимуществу относится к так называемому слаботеоретизированному типу. В целом данное знание организовано специфическим синтезом, который преодолевает традиционные противоречия в отношениях теории и практики. Оно оптимизирует роль здравого смысла в этих отношениях, обеспечивает взаимопроникание «алгебры» и «гармонии» в нравственной жизни и в воспитании, способствует синтезу аксиологических и праксиологических аспектов этих видов человеческой деятельности. В следующем параграфе делается попытка конкретизации специфических черт теоретизирования в сфере прикладной этики. Здесь же подчеркну еще раз: не ограничиваясь критикой эталона научности, характерного для естествознания, осваивая опыт современного социально-гуманитарного знания в создании собственного эталона научности, опираясь на образцы теоретизирования в тех версиях этики, которые трактовали ее как практическую философию, непосредственно ориентированную на заботы нравственной жизни, эта позиция среди многих смыслов понятия «диалог» и многих типов «диалогичности» акцентирует взаимоотношения зрелой системы морали и развитой системы этического знания, «замыкающиеся» через мировоззренческую рефлекссию, взаимоотношения специфического типа теоретизирования в этике и специфической потребности морального субъекта стремиться к мудрости выбора.

Диалогическая версия эталона теоретизирования в этико-прикладном знании выступает против трактовки отношений этики и морали в категориях

«пастыря» и «паствы» (не исключая при этом и ситуаций «глухоты» и «слепоты» морального субъекта, не забывая о возможности обоих видов сциентизма – стихийного и сознательного, преодолевая крайности высокомерия этики как «верхнего этажа» морали и потери этикой статуса теории при забвении дистанции между моралью и наукой, исследующей ее). Позиция диалога этики и морали направлена и против тех версий предназначения этического знания, которые из аксиомы моральной суверенности субъекта выводят «уклонистское» отношение к запросам личности в адрес «практической философии». Эталон диалогичности обеспечивает возможность непосредственного приложения результатов этических исследований к ожиданиям морального субъекта, ожиданиям, обращенным к этике не из-за намерения освободиться от личного риска в выборе и потому «делегировать» ответственность, но в надежде опереться на теоретически отрефлектированный нравственный опыт человечества. Концепция ГЭК разделяет и конкретизирует позицию, согласно которой этика не может подменить свой предмет, но может и должна способствовать росту нравственной культуры (61, с. 11–12). Эталон диалогичности – ориентир для современной этики, осознавшей ситуацию выбора своего пути, возможность нового выбора, новых пределов практичности. Эталон диалогичности – активизация не востребуемых энергетических ресурсов этики, инициирование новой энергии этического знания в его практическом приложении.

В то же время концепции ГЭК, несмотря на то, что в ней уже содержатся все необходимые ответы на скепсис или прямую критику, связывающую этико-прикладные исследования и разработки с опасностью сциентизма, манипуляторства и пр., требуется дальнейшее развитие. И даже ранее предпринятые попытки обстоятельной критики бюрократической системы воспитания, например, проведенные именно в рамках исследования управленческого потенциала прикладной этики (9, 45), не смогли снять различных «фобий», может быть, потому, что более высокая точность такой критики и ее конструктивность ослаблялись внутренним комплексом неполноценности сторонников прикладной этики? Что же, надо взять на самих себя дополнительный труд демонтажа управленческих извращений в сфере морали и воспитания, заботу по дезавуированию бюрократической системы «связи» теории и практики. Но самое главное средство преодоления комплекса – позитивное развитие концепции и положительные результаты ее внедрения.

Итак, этико-прикладное знание стремится стать альтернативой иным ветвям «древа» этики. Возможно, даже подтвердится прогноз, содержащийся в названии работы, посвященной анализу зарубежной этической литературы: «Прикладное этическое знание – глобальная тенденция современной науки» (45). Однако заклинать необходимостью новой альтернативы в развитии «практической философии» или даже намерением инициировать такую альтернативу можно бесконечно. Предъявить же ее можно лишь в форме результата исследовательского поиска и научно-практического эксперимента. Именно с этой точки зрения в тезисном варианте концепции ГЭК заявлены методы этико-прикладного знания: игровое моделирование и экспертные опросы двух типов в их обязательном сравнении. Сочетание этих методов дает эффект **этико-социологического эксперимента** (сближая задачи «социологии морали» и «прикладной этики»). Анализ результатов серии такого рода экспериментов только и позволит судить о состоятельности несостоятельности предлагаемой альтернативы.

3. ФРОНЕСТИКА КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

...Когда возникали какие-нибудь вопросы, к нему шли на поклон за советом. Как правило, он ничего не отвечал, и это означало, что вопрос чепуховый: как его ни решить, все ладно будет. Но если вопрос оказывался жизненно важным – насчет погоды, когда что сеять – он всегда давал совет и ни разу еще не ошибся. Ходили к нему только старшие, и что там происходило, они помалкивали, но бывало убеждение, что, даже давая совет, Колдун не раскрывал рта. Так, посмотрит только – и становится ясно, что нужно делать.

(Аркадий и Борис Стругацкие,
Обитаемый остров.)

Конкретное воплощение и развитие эталона диалогичности в отношениях прикладной этики с практикой, непосредственное условие и результат формирования экспертно-консультативной функции этики – это особое этическое знание–умение, «умение уметь» в ситуации морального выбора – **фронезис**. Но это такое знание–умение, которое не существует только в сознании субъекта ГЭК, оно воплощается лишь в диалоге консультанта с **субъектом** морального выбора; оно ценно, прежде всего, методом передачи **от субъекта к субъекту**. ГЭК – деятельность, снимающая противоречие между абстрактно-научным знанием и собственно практическим умением исследовать и решать ситуации морального выбора. Фронестика – профессиональное качество субъекта ГЭК, интегрирующее «эпистему» и «технэ», понятия социальной науки, нормы социальной технологии, правила здравого смысла.

В нашем* иницировании **идеи фронезиса** (9, 12, 13) важна разработка проблемы духовно-практического производства человека как нравственного существа. Речь в этом исследовании шла о «сложении» этико-социологического, этико-педагогического и этико-управленческого методов моделирования духовно-практического производства человека, т. е. об использовании системного подхода: установлении взаимодействия указанных методов – во-первых; выявлении преимуществ общегуманитарного типа теоретизирования по проблемам нравственной жизни и воспитания – во-вторых, и отыскании прямого выхода в практику морального выбора, связанного с экспертно-консультативной дея-

* В этическую традицию термин введен Аристотелем. О современном значении аристотелевского истолкования этого термина см. в книге Х–Г. Гадамера «Истина и метод» в главе с симптоматическим названием «Герменевтическая актуальность Аристотеля» (20, с. 369–383).

тельностью - в третьих. В рамках этой концепции прикладная этика и формирует свою ипостась – фронеzis. Идея фронеzиса как конкретной формы гносеологического и социокультурного идеала практичности прикладной этики позволяет последовательно противостоять технократическим интерпретациям «приложения», бюрократическому использованию «морального фактора», утопическим надеждам на всемогущество одного лишь воспитания.

Предпосылкой идеи явились и результаты исследования признаков современного этического мышления (10, 42). Среди них ключевыми с точки зрения темы ГЭК являются два момента: а) притязания и пределы компетентности здравого смысла в моральном решении; б) статус так называемых «рецептов» в моральных и воспитательных ситуациях (культура «ноу-хау» и особая роль эмансипации морального творчества в современном этическом мышлении будут рассмотрены в рамках параграфа «Этические деловые игры: грани фронеzистики» в препринте III).

Ориентация ГЭК на практику принятия решений с необходимостью выводит на проблему здравого смысла субъекта морального выбора – ЛПР, его практического мышления. В современной ситуации взаимодействия научных представлений и здравого смысла можно выделить две тенденции: отдаление их друг от друга и, наоборот, в связи с возрастанием прагматичности науки – укрепление непосредственных контактов между ними в процессе приложения исследовательских результатов, внедрения разработок.

Здравому смыслу принадлежит особая роль в диалоге этики и морали, в контактах прикладной этики с ее «адресатом» и «заказчиком». Именно через здравый смысл происходит ассимиляция научных разработок в практике, причем постижение научной позиции происходит не пассивно, а в процессе обогащения здравого смысла научными достижениями (особый интерес представляет, конечно, обратное влияние – здравого смысла на научное знание; специально об этом речь идет в следующих разделах). Аргументами для этого заключения служат результаты гносеологического анализа «языка здравого смысла» в его сравнении с «языком науки», специальные исследования о связи этики и морали (43). Поэтому противоречивость здравого смысла, его известная ограниченность не должны приводить к безусловному противопоставлению современному этическому мышлению. Более того, эталон диалогичности этики и морали, герменевтические ориентации прикладной этики («понимающая этика») требует акцентировать «презумпцию» здравого смысла, который в этом случае не отождествляется с шаблонным мышлением. В то же время установка на доверие здравому смыслу учитывает известную предрасположенность его в критических ситуациях искать в науке опекуна, занимать позицию стихийного сциентизма, жаждущего готового решения, избавляющего от бремени самостоятельного выбора.

Для более точного представления об интервале эффективности здравого смысла – с точки зрения его влияния на формирование фронеzиса – полагаю уместным обратиться к проблеме моральных «рецептов». Разумеется, речь идет о смысле «рецептурности» в контексте современного типа мышления. В культурах иного типа, например, средневековой, «рецептурность» может быть окрашена в тона безусловной позитивности и креативности (53, с. 213–238). В процессе выработки стиля, языка ГЭК феномен противоречивой роли «рецепта» – «рецепта» и запрашиваемого, и ожидаемого особенно напряженно в ситуации морального риска – занимает особое место. Проблемная ситуация здесь заключается в том, что практика постоянно воспроизводит «заказ» на

«рецепты», с одной стороны, а с другой – сложился и широко распространен стереотип обыденного и теоретического сознания, согласно которому в нравственной жизни и в воспитательной деятельности составление рецептов бессмысленно и бесплодно (59, с. 145). Проиллюстрирую эту ситуацию констатацией автора книги «Семейная педагогика» Ю. Азарова, отметившего во введении, как он сам долгое время не мог разрешить для себя противоречия между потребностью современных родителей в конкретных советах и «незыблемым правилом» педагогики, рассматривающей рецепты как нечто абсолютно недопустимое (1. с. 3).

В многогранной теме «рецептурного мышления» выделю для характеристики предпосылок фронестики вопрос о единстве и противоположности «рецептурного» и творческого подхода к решениям, показав при этом как «плюсы», так и «минусы» применения «рецептов» – именно те «плюсы» и «минусы», которыми ранее был охарактеризован здравый смысл.

В специальных исследованиях по проблеме культуры мышления (их результаты вполне могут быть распространены и на сферу этического мышления) в оценке «рецептурного мышления» выявляются два полюса. Положительный – связан с тем, что «рецепты», рекомендуемые целесообразные действия, складываются из обобщения реального практического опыта – например, праксиологический анализ поговорок в работе Т. Котарбинского (32). Условием эффективности этих рациональных обобщений при их ситуационном истолковании и применении является требование не оказаться «набитым дураком». Отрицательный полюс образуется из возможности одностороннего осмысления народной мудрости – под углом зрения ограниченной позиции, приводящей к «выуживанию» из этой мудрости лишь «ходячих» ее форм (30, с. 34–35).

Конкретизация проблемы «рецептов» в духе исследования предпосылок формирования представлений о фронеизисе предполагает сочувственную, «понимающую» оценку человеческой потребности опереться на уже найденную, готовую мудрость, получаемую без предварительного риска, без метода проб и ошибок в ее «присвоении». Слишком легко было бы свести желание человека получить мудрость «готовой» только лишь к попытке избежать личной ответственности, к стремлению уклониться от бремени выбора – «замысла жизни», линии поведения, конкретного поступка. Презумпция доверия помогает увидеть, как в таком желании «отражаются трудности и противоречия индивидуальных нравственных исканий, результаты которых могут быть действительно намного более благоприятными для личности, если они опосредованы нравственными ценностями, накопленными и закрепленными в передовом культурном наследии поколений. Эти ценности, этот передовой опыт поколений способны помочь чрезвычайно – особенно в кризисные, переломные моменты жизни – и как мировоззренческие ориентиры, и как стимулы саморазвития» (62, с. 477). Избавление споров о возможности и необходимости «рецептов» в морали и воспитании от беспредметности, от безграничности самого понятия позволит понять как необходимость творческой корректировки любого «рецепта», так и нецелесообразность в каждом случае «изобретать» формы и средства решения ситуаций заново (36, с. 90). Оставим пока эту тему (вернемся к ней в последующих разделах) и попробуем выявить тот импульс, который был задан идее фронеизиса попыткой исследования нравственной жизни в ключе «понимающей этики». Прежде всего речь должна пойти о понятии «нравственная мудрость».

Связь концепции ГЭК с исследованием проблемы мудрости вряд ли мо-

жет показаться случайной, хотя характеристика фроне́зиса как атрибута деятельности эксперта не представляется бесспорной. «Слова устают и изнашиваются, как устают и изнашиваются люди, – пишет Г. Марсель в работе «К трагической мудрости и за ее пределы». Но все же слово «мудрый», робко просачивающееся в официальный язык и даже в академические сферы на смену понятия «эксперт», действительно ли вправе стать на его место?» (40, с. 404). Акцентируя «метатехничность» мудрости, автор полагает, что разговор о мудрости неуместен, если «человек может быть **назначен** для разрешения проблемы (технической – Б. В.) названного рода в силу своей признанной или предполагаемой компетентности» 140, с. 404—4051.

Может быть, удовлетворительным ответом на вопрос Г. Марселя послужит трактовка фроне́зиса как снятия противоречия между «эпистемой» и «технэ», с одной стороны, как синтеза аксиологического и праксиологического элементов человеческой деятельности – с другой?

Концентрируя результаты ранее предпринятого мной специального исследования нравственной мудрости (4) вокруг атрибутов фроне́стики, считаю вполне допустимым предположить, что инвариантом таких граней мудрости, как «чутье к жизни, умение строить действия исходя из реальных жизненных потребностей», способность «практически соотносить жизнь и смысл, возводя их в единство, основанное на позитивных человеческих ценностях»; непосредственная переделка, переустройство жизни в согласии с тем, как понят этот смысл; способность отличить то, что нельзя изменить, от того, что изменить можно, или, в ином варианте, «умение управлять тем, что управляемо, не сокрушаясь из-за того, что неуправляемо» и т. д. (обзор версий см. в (41)), является синтез аксиологического и праксиологического аспектов основанного на знании отношения к нравственной жизни. Синтез, позволяющий отдать одно из приоритетных мест среди критериев эффективности фроне́стики уровню, мере гармонизации целесредственных связей в моральном выборе, минимизации цены решения в ситуациях нравственного конфликта.

Понятие «нравственная мудрость» представляется наиболее адекватным как для характеристики цели ГЭК, так и для описания формы диалога этики и морали. Благодаря этому понятию в концепции ГЭК создается особое сочетание объяснения и понимания, познания и переживания, научно - теоретического и ценностного сознания.

Фроне́зис – это мудрость выбора: в ситуации повседневной экстремальности, не просто поступка, но и всей линии поведения, а следовательно, и мировоззренческий выбор. Готовность не только его отстаивать, а все время обогащать и – при необходимости – изменить его.

Развивая заявленный на стадии замысла подход, авторы идеи фроне́зиса сформулировали себе серию следующих вопросов (12, 13). Что представляет собой фроне́зис как этическое знание–умение, что это за свойство? Является ли он какой-то особой – аксиолого-праксиологической магией, каким-то иррациональным словом и владением им? Может быть, это особый способ демонстрации в собственном поведении таких ценностных начал, которые делают их, безусловно, убедительными для других?

Разумеется, в постановке вопросов уже заложены первые шаги поиска ответов. В этом смысле можно предположить, характеризуя далее фроне́стику, что это – определенный способ мобилизации, этизации знания (прежде всего гуманитарного), способ перевода этого знания в решение, в действие. Это личностное воплощение научного знания и воспитательного мастерства. Это спо-

соб существования человека в таком воплощении, в этих перевоплощениях – подобно тому, как Сократ существует в диалогическом бытии и не воспринимается адекватно вне структуры такого бытия.

Если мудрость в традиционном смысле – это особый вид знания и его воплощения в поведении, вид проникающего знания, то в современном смысле этот сплав обогащен множеством научных подходов, перебрасывающих мосты между безличностным и личностным знанием, и вписан в духовно-практическое производство человека, порождающее личность, способную выходить за пределы наличной социальности. Такое трансцендирование всегда составляет загадку для социального познания, в том числе и научно организованного, но именно в нем – вдохновляющая направленность, действенность фронестики.

Общность фронестики и мудрости – не тождество их. Фронестика – это мультиплицирующая мудрость. Поскольку фронестика – не просто личностное знание, но переведенное в личностную сферу нравопреобразующее, объективное знание; поскольку это знание и умение в сфере общественной (а не только индивидуальной) морали, постольку он может существовать в объективных формах и вполне возможно отыскание способов переработки жизненно-социокультурного опыта в некую систему скоординируемых и проверяемых высказываний.

В процессе реализации фронестики акцент с объективности знания переносится на возможности его индивидуализации, превращение в непосредственное умение. Фронестика – «ноу-хау» в сфере морального выбора. Это – диагностирующее, прогнозирующее и консультирующее знание, воплощенное в умении и включенное в решение и деятельность.

Фронестика – как она представлена в данном эскизе – «обременен» признаками игровой деятельности с ее маргинальным статусом между наукой и искусством. Конкретизация этой черты фронестики как практической философии морального выбора предпринимается в разделах, посвященных аналитическому обзору опыта конструирования и проведения этических деловых игр. Однако своеобразный предварительный настрой на такую конкретизацию возникает, на мой взгляд, уже в процессе характеристики предпосылок развития герменевтического потенциала метода этических деловых игр, содержащихся в потенциале моралистики. Речь идет о той особенности сочетания «науки» и «искусства» нравственной жизни, которой обладает философско-этическая моралистика в трудах людей, представляющих в своем творчестве одновременно и науку и искусство. «Философская мысль являет тут себя, – пишет С. Великовский, – не как совершенно готовый результат, а непосредственно в ходе неровной, извиристо протекающей деятельности ума по нащупыванию одного из возможных решений; мысль эта не замкнута на самой себе, не монологична, а встречается с мыслью других, смежной или противоположной, вбирая, перерабатывая поступления извне либо им сопротивляясь, и потому внутренне диалогична; мысль, далее, не прячет свою нить в разреженном воздухе чистой логики, а подключена одновременно и «внизу» к своевольному потоку расхоже-повседневных умонастроений, и «вверху» – к более или менее стройному порядку умозрения, так что между этими двумя уровнями безостановочно движется ее челнок; мысль здесь, следовательно, при всем старании сохранить верность своим отправным установкам, чутко отзывается на перемены в исторических обстоятельствах и очередные духовно-идеологические веяния, которые через ее посредство передаются в верхний, собственно философский отсек и зачастую принуждают его переоборудовать; мысль, наконец, по причине

своей укорененности в питающей ее житейской почве и вдобавок неизбежной для литературы выпуклой очерченности характера своих носителей, всем обликом и строем, вплоть до самой стилистики высказывания, отсылает к общественному кругу, прослойке, к действительной социально-исторической среде, где она зародилась и распространена» (18, с. 15).

Можно сделать вывод, что герменевтический характер самого предмета ГЭК, т.е. проблематики нравственной жизни человека, ситуаций морального выбора, находит наиболее адекватную форму отражения в **сплаве**, аналогичном по «технологии» тому, как показана в данном тексте моралистика в творчестве экзистенциалистов. Присущая этому направлению специфика теоретизирования потому и придала моралистике Сартра, Камю, Ануя и др. герменевтический эффект, что «причудливые категориальные построения экзистенциализма, столь трудно переводимые на устоявшийся язык академической философии, свободно транспонировались в драматургию и прозу» (17, с. 216–217).

Разумеется, здесь предложен материал для анализа лишь одной из версий моралистики. Развитие фронестики потребует расширить сферу освоения, подразумевает обращение к специальным материалам о моралистике (43).

Попытаемся теперь применить полученные выводы для характеристики предмета и субъекта ГЭК.

4. ЧТО МОГУТ И ЧТО ДОЛЖНЫ ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА И КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ: ЭСКИЗ ФУНКЦИИ

Многие сомневающиеся могли бы подписаться под следующими словами Роберта Таунсенда: «Кто такие консультанты по вопросам управления? Они полезны, если работают в одиночку, на манер частных детективов. Работая в учреждении, они губят все дело. Они транжирят время и деньги, отвлекают и деморализуют ваших работников и не могут решить ни одной проблемы. Чтобы сказать вам, который час, они возьмут у вас ваши же часы и не отдадут.

(Н. Паркинсон. Законы Паркинсона.)

Эскизное представление экспертно-консультативной функции прикладной этики, первое приближение к определению предмета и субъекта фронестического знания, воплощенного в диалоге этики и морали, возникают в процессе кросс-подхода: на пересечении характеристик, отличающих ГЭК от иных видов практического приложения этики и аналогичных форм связи теории и практики: управленческого, психологического консультирования и т. п. Такой путь описания функций экспертизы и консультирования в прикладной этике дополнительно стимулируется необходимостью учитывать настороженность специалистов, для которых не традиционность ГЭК для этического знания, определенное заимствование методов в смежных отраслях человекознания являются дополнительным препятствием в восприятии идеи ГЭК.

Начну с общенаучных характеристик. Не только в обыденном словоупотреблении, но и в ряде научных работ понятия «экспертиза» и «консультирование» не строго различаются, потребность «посоветоваться» реализуется и в отношении к эксперту, и в отношении к консультанту. Тем не менее нельзя не учитывать разницу именно функциональную: она отражает специфику отношений науки и практики принятия решений, во-первых, этапы участия науки в этой практике – во-вторых.

Как возникает потребность в научной экспертизе вообще, в экспертных методах – особенно? Когда сложность нетрадиционной ситуации не «дается» накопленному опыту, веер альтернатив труднообозрим для привычной точки зрения, когда для разрешения проблемы не подходят наработанные аналитические методы. В такого рода случаях и необходимо – прежде чем бездумно рисковать или столь же бездумно уклоняться от решения – посоветоваться с авторитетом, чьим мнением мы дорожим, опыту которого мы доверяем, суждения и оценки которого обладают таинственной мудростью, реализующейся в экспертных методах.

Экспертом в этом случае выступает человек, который, по словам Нильса Бора, «знает, какие в его области могут быть совершены грубые ошибки и как их избежать». Специалисты по системному анализу характеризуют качества

эксперта через его сравнение с «новичком» в каком-либо деле и показывают, что новичку для принятия решения требуется больше информации, чем эксперту (в этом смысле, например, опытному водителю трудно представить себя на месте новичка). Иначе говоря, для того, чтобы отличать одну вещь от другой, нужно учиться этому, и потому квалифицированный человек, эксперт, реагирует на меньшее количество информации, чем не квалифицированный, не специалист.

«Советуюсь» с ученым как с экспертом, обращаясь к его мнению, мы рассчитываем прежде всего на его интуицию (вспомним, что речь идет о ситуациях, когда аналитические методы не эффективны), профессиональная база которой позволяет найти нужную рекомендацию. За внешним парадоксом – в эпоху НТР старомодное «посоветоваться» – надо увидеть силу и достоинства компетентной интуиции, коллективного (в тех случаях, когда проводится консилиум) опыта групповой оценки. Метод, которым достигает своих результатов эксперт (группа экспертов) – экспертная оценка. Отличительная черта метода – способность комплексного, нерасчлененного, «антианалитического» освоения ситуации.

Мотивы предпочтения методу экспертных оценок видны уже в характеристике его как «антианалитического». Необходимо, однако, сразу поставить вопрос об интервале эффективности, определяющем целесообразность такого предпочтения. «Экспертные методы сейчас переживают известный бум. Они относятся к модным научным методам и являются поэтому объектом злоупотреблений, – предупреждает социолог, занимающийся теорией и практикой экспертных опросов. – Мнения, высказанные несколькими, случайно подобранными, более или менее знакомыми с сутью проблемы, людьми, нередко спешат истолковать как результат экспертного опроса. С помощью экспертов пытаются «с хода» решить самые трудные для современной науки проблемы или заменить экспертными оценками иные, в ряде случаев более достоверные способы получения информации. Сфера эффективности применения экспертного метода отнюдь не безгранична. В то же время очевидно, что в ряде случаев у этого метода не существует серьезных конкурентов» (67, с.144–145). Обратим внимание на предупреждение, но акцентируем последнее заключение, ибо в этико-прикладном исследовании ситуаций нравственной жизни и воспитательной деятельности метод экспертных оценок действительно незаменим.

Опыт использования опросов экспертов и метода экспертных оценок для диагностики и прогноза «болевых точек» и «точек роста» современной нравственной жизни еще не велик. Потребуется целая серия опросов (пока наша практика ГЭК дает только три) (48, 56, 57), чтобы из анализа и обобщения полученных результатов сделать достоверный вывод об интервале эффективности этого традиционного для многих наук метода в отношении теории и практики нравственной жизни. Тем не менее уже накопленный опыт подкрепляет мотивацию первого в нашей этике сбора мнений и суждений экспертов: такие опросы – не просто дань буму, не слепое подражание моде, не роскошь, а насущная необходимость. Она возникает в условиях, когда специфика предмета – ситуации морального выбора – не улавливается иными, широко практикуемыми методами сбора морально-значимой информации, прежде всего именно аналитическими методами, когда сбор суждений, мнений, предложений и обработка их специальными методиками являются наиболее эффективным средством научного обеспечения принимаемых решений в уникальных управленческих и исследовательских ситуациях. Это – вообще, но особенно эффективен

данные метод в рамках игрового моделирования, в процессе подготовки этической деловой игры как метода ГЭК.

Только риторически может прозвучать вопрос: обладают ли сегодня исследователи морали, приглашаемые на роль экспертов, эффективными познавательными средствами, позволяющими оперативно и достоверно поставить диагноз современной общественной морали, дать прогноз тенденций ее развития? Уже отмечалось, что до сих пор сохраняет свою справедливость критика общественных наук и фиксация приоритета «параэтики» в характеристике состояний нравственной жизни, прогнозах ее развития. В то же время этот приоритет вынужденный – не результат «конкурентоспособности», а победа на «безальтернативных выборах»; это, скорее, паллиатив того, что может и должно давать обществознание. «В последнее время много похвал – и заслуженных – высказано нашей публицистике. Интерес к ней велик. Мы даже научились отличать хорошего публициста от серого. Но, – пишет В. М. Межуев, – есть в публицистике тональность, которая мне лично не нравится. Знаете, когда организм чем-либо заболевает, в том числе общественный организм, то сперва он издаст стоны, потом крики и, наконец, вопль. Это – проявление болезни. Так вот, мне кажется, вопль – это и есть наша публицистика. Но на уровне вопля диагноз поставить невозможно. Впрочем, это и не задача публицистов – ставить диагноз. Она лишь первый эшелон, разведка боем, за ней должны подтянуться основные силы. Я вижу их в общественной науке. Можно ее ругать, можно хвалить, но нельзя не видеть, что только ей принадлежит возможность глубоко осмыслить проблемы, которые публицистика как бы нащупывает, иногда вслепую» (63, с. 219). Вряд ли кризисное состояние теории может быть преодолено уже завтра. Но именно поэтому в качестве одного из оперативных средств диагностики и прогнозирования ситуации в общественной морали и проведены были три опроса представителей гуманитарного знания, а полученные экспертами результаты развивались методом игрового моделирования, Будущее покажет, как включение этих результатов в процесс развития этического знания и в его приложение к практике стимулирует самопознание этики, придаст новые импульсы научному творчеству. Что касается роли каждого из этих опросов в соответствующих этических деловых играх, то об этом речь впереди.

Здесь же следует подчеркнуть, что экспертные опросы – это особая работа с «этическим сообществом». Залог ожиданий организаторов такого рода опросов – в выходе за пределы задачи-минимум, когда первый тур опроса оказывается и заключительным (этот тур действительно может иметь самостоятельное значение, формируя диалогическое поле для этического сообщества в целом). Программа-максимум – в достижении известного науковедам (44) эффекта развития «теоретической группы», в интенсификации пути от первой до более высоких стадий – от «нормы» до «дисциплины» через «сеть» и «сплоченную группу», в участии авторов первого тура опроса в игровом моделировании тех проблем, над решением которых проводился опрос.

Репрезентивность гуманитарной экспертизы во многом отличается от естественно-научной, технической и т.п. Разумеется, в экспертном опросе представителей любой отрасли знания общим критерием отбора экспертов является их компетентность. «Первое, что необходимо сделать, организуя экспертизу качества – оценить качества самих экспертов... Главное достоинство эксперта – компетентность – определяется его способностями, знаниями, опытом. Поскольку все эти признаки качественного порядка, для оценки эксперта прихо-

дится прибегать... к экспертизе» (2, с.59).

Если специалисты по узкой проблематике – в сфере физики, экономики, кибернетики и т. д. – известны, их круг ограничен, то по вопросам морали и воспитания, казалось бы, все могут быть экспертами. Точнее, однако, считать, что все люди равны в праве на оценку конкретных поступков, в анализе же состояний общественной нравственности, причин и тенденций ее развития систематическое обсуждение вопросов, применение научных подходов дают преимущество теоретикам. Особым – не обыденным – видением нравственной жизни обладает и художественное познание. Поэтому в корпус экспертов мы как организаторы опроса стремимся включить ученых, писателей, публицистов, журналистов. При этом инициативная группа организаторов не возлагает на себя роли «сверхэкспертов», обладающих правом «выборщиков». Ориентируясь на «критерий первоначального списка», организаторы каждого следующего опроса обращаются прежде всего к уже проявившим себя участникам предшествующих опросов. Труднее – с деятелями культуры. Здесь в нашем выборе экспертов большое значение играет имидж глубокого интереса к моральной проблематике, активное участие в обсуждении вопросов духовной деятельности в период перестройки.

В то же время проблема отбора экспертов этим не снимается. Опыт, накопленный на первой стадии существования опросов по проблемам морального выбора (применительно к ситуациям этнического, экологического, политического содержания), наглядно показывает необходимость отношения к экспертным опросам как к теоретической деятельности, прикладная ориентированность которой не снимает значимости научного подхода. Чтобы не снизойти до банальных оценок и советов, до «просвещенного здравого смысла», гуманитарная экспертиза должна проводиться по определенной теоретической схеме: эксперт предъявляет основания, по которым он работает, затем передает их другим экспертам и после этого все вместе участники такого опроса предъявляют свои основания либо организатору ГЭК, либо самому ЛПР – чтобы процесс подготовки решения опирался не просто на варианты оценок, но лежащие в их основе базовые ценности. Естественно, речь идет здесь о гуманистических – прежде всего нравственных – ценностях, что в свою очередь, требует их формального и содержательного определения с последующей операционализацией.

Разумеется, что эти требования относятся, скорее, ко второму и последующим турам экспертных опросов; целесообразны они и в качестве самоцели, когда научной экспертизе подвергаются результаты «демократической экспертизы». Особое значение имеют эти требования в таких ситуациях, когда ГЭК выступает в роли «экспертизы экспертиз» – гуманитарной экспертизы результатов экономических, этнических, политических, экологических экспертиз.

В такого рода ситуациях базовые нравственные ценности призваны стать ядром комплексной экспертизы, и задача гуманитарной экспертизы – выявить и «испытать» явные или скрытые ценности специализированных (узкодисциплинарных, ведомственных и т.д.) заключений. Важно при этом подчеркнуть, что гуманитарная природа экспертизы определяется не столько в ее противопоставлении естественнонаучной, сколько в оппозиции узкогуманитарным подходам, в том числе и от имени отдельных человековедческих дисциплин. Сегодня мало превзойти подход к человеку как «фактору», недостаточно уже и просто выйти на «человеческое измерение» – оно может быть «мелким», «узким». Глубина «человеческого измерения» – в родовом консенсусе. Поэтому задача

ГЭК – «достроить» критерии частных экспертиз, ввести их в общечеловеческий контекст. Гуманитарная рефлексия в этом случае призвана проявить активность в отношении и формальных, и неформальных направлений современного «экспертного движения». Очевидная инновационность этого движения требует, как и любая инновация, обязательного «человеческого измерения», в контексте которого вполне оправданы притязания субъекта ГЭК на статус «сверхэксперта». Не менее опасными могут стать и сверхамбиции организаторов опросов. Конечно, само употребление этого слова, даже взятого в кавычки, должно быть очень определенным, требует предельной самоиронии.

Не считая собственный уровень самокритичности пределом возможного и необходимого, организаторы опросов стремятся приглашать в качестве экспертов и авторов, известных своей традиционной оппозицией к этико-прикладным исследованиям (в том числе и к идее ГЭК), привлечь тех гуманитариев, скептицизм которых в отношении претензий прикладной этики воздействовать на практику нравственной жизни и воспитания выявлен в ряде ярких и острых публикаций. Благодаря тем и другим укрепляется надежда поднять уровень самоиронии в теории и практике ГЭК.

Видимо, развивающаяся социология морали, в том числе то ее направление, которое тесно смыкается с концепцией ГЭК (см., например, 26), найдет в своем арсенале более точный интервал эффективности экспертных методов. Здесь же в заключение эскизной характеристики экспертной функции в рамках концепции ГЭК достаточно сказать: на фоне общего для всех функций прикладной этики стремления выступить против самоуверенности эмпирических решений, против скептицизма «чисто философской» этики в отношении к потенциалу прикладных исследований, против собственной самоуверенности этико-прикладного знания гуманитарная экспертиза призвана разрушать «мнимое всезнание» во всех этих трех ипостасях, находя при этом свою сверхзадачу в перерастании в функцию консультирования.

Обращаясь к эскизной характеристике функции гуманитарного **консультирования**, отметим прежде всего, что современная традиция освоения словаря В. Даля открывает нам распространенный смысл слова «консультант» как советник, а «консультация» как совет. В свою очередь, советовать, по В.Далю, значит: научить, наставить, дать ума, склонять (к чему) и убеждать, высказывать свое мнение о том, как быть и что делать, внушить кому-либо как поступить и т.д. Разумеется, в этом перечне не указаны специфические признаки именно научного консультирования (тем более, собственно гуманитарного), но содержатся некоторые черты, выделяющие консультативную функцию по сравнению с экспертной.

Обратившись к «гнезду» характеристик, связанных с собственно научным консультированием особенно в его организационно-управленческой ветви, а также к литературе по данному вопросу (32,35,50,51,68 и др.), можно выявить и выстроить нарастание черт, отличающих собственно научное консультирование. В словарных статьях, научных публикациях, в описаниях опыта консультирования об этой функции в деятельности ученых говорится с помощью таких глаголов, как: обследовать, натолкнуть, предложить, подсказать, советовать, обратить внимание, высказать неудовлетворенность, предложить идею, подтолкнуть, убедить, проинформировать, повлиять дискуссией, диагностировать причины, указать методы лечения и т. д. Нетрудно обнаружить здесь разницу между «обследовать» и «помочь», увидев в последнем установку на решение проблемы, разрешение ситуации.

Для более точного различения понятий «обследовать» и «помочь» и, соответственно, функций «экспертиза» и «консультирование», целесообразно учесть специальное объяснение отличия «консультирования» от «консультации». Как показал А.И. Пригожин, консультантом по управлению может считаться тот, кто владеет технологиями перевода организаций (оргсистем) из исходного состояния в желаемое. Этим консультирование отличается от консультации. Если во втором случае эксперт предлагает своему клиенту профессиональную информацию в виде справки, совета, то в первом – он взаимодействует с консультируемым объектом по определенным правилам. Имея дело с персоналом, коллективами, консультант разрабатывает социальные технологии. Под этим понимается, во-первых, деятельность, направленная на преобразование другой деятельности, во-вторых, ряд последовательно применяемых методов анализа и воздействия на поведение участников клиентской организации» (51, с.174–175).

Дальнейшая работа по эскизному представлению консультативной функции этико-прикладного знания предполагает выявление общего и особенного между гуманитарным, социально нравственным консультированием и консультативной формой связи науки и практики управления, в педагогике, в психологической практике и т.п. Последовательность этапов этой работы выстроена мной так: а) характеристика консультирования с точки зрения его статуса относительно теории и практики; б) анализ опыта консультирования в различных отраслях науки и жизни; в) попытка определения специфики гуманитарного консультирования средствами прикладной этики. Хотя строгая последовательность здесь вряд ли выполняема, получился, по-моему, скорее «метод матрешки».

Итак, прежде всего начну с вопроса: в каком смысле и какой мере к консультативной функции этико-прикладного знания можно отнести статус **посредника** между наукой и практикой? Во-первых, «посредник» здесь – значит «медиатор». Исследователь в роли консультанта – не «личный советник» ЛПР, но методолог, его соавтор по решению проблемы, по выработке альтернатив. Во-вторых, он посредник от имени науки.

Маргинальность статуса «посредник» порождает противоречивые суждения о связи консультанта с наукой. Как показала, например, практика организационно-управленческого консультирования, имеются мнения о полном его исключении из сферы научной деятельности (роль консультанта в этом случае отводится опытным практикам); есть и компромиссные подходы. Исследователи часто отмечают, что «консультанты любят сравнивать себя с врачами» (50, с.137). Многие авторы, определяя задачи консультирования, прибегают к аналогии с медицинской деятельностью: и самолечение приносит обычно вред, даже если больной лучше знает свой организм, чем врач, и опытные врачи стремятся извлечь уроки из предыдущих удач и поражений – аналогия с тем, как консультант является «источником полезных советов для организации» (35, с. 21).

Действительно, аналогия эвристична, она актуальна при сравнении типов теоретизирования в медицине и в воспитании (9), но, подчеркну, консультант здесь является практиком, соответственно, его достоинства – не из научной позиции, но из компетентного здравого смысла. Не случайно в ответе на вопрос об основных профессиональных знаниях консультанта или, пользуясь аналогией с медициной, об основных лекарствах, которые применяются для лечения («что тут действует – волшебная палочка или просто систематическое

использование здравого смысла?»), на первое место выносятся «рациональные процедуры решения проблем, получившие название обобщенного здравого смысла», а в дополнение к ним – «специальные методы оценки и сравнения альтернатив» (35, с.21). В другой публикации консультант по управлению характеризуется как человек, усвоивший науку – и фундаментальную, и прикладную, знающий управленческую практику, он профессионал своего дела, которым не владеет никто другой. «Однако он не производит научных знаний. Познавательная его деятельность сводится скорее к обследованию, чем к исследованиям» (50, с.141).

Полагаю, что наработанный опыт и теоретические аргументы концепции ГЭК позволяют занять позицию, согласно которой в отношениях гуманитарной теории и практики консультант – это ученый, продвигающий в жизнь свои идеи, его позиция – научная, при этом речь идет об особом типе теории («понимающая этика»). Консультант – посредник между наукой и практикой, но он представляет науку и тем гарантирует своего партнера по диалогу – человека, принимающего решение, от опасности «полузнания». С этим заключением вполне согласуется развиваемое в рамках организационно-управленческого консультирования «технологическое» обеспечение методов деятельности консультанта. Так, для ГЭК вполне характерно, что «специалист по консультированию имеет свою технологию переработки закономерностей и тенденций в диагнозы и рекомендации. В его рабочей лаборатории есть приемы и методики введения обобщенного знания в конкретные рекомендации. Как они выглядят? Наверное, со мной многие не согласятся, но на первое место я ставлю метод, который можно условно обозначить как «зеркало для руководителя» (50, с.141,142).

Второй этап самоопределения консультативной функции этико - прикладного знания – анализ опыта консультирования в смежных отраслях науки. В данном случае предметом освоения должна стать прежде всего теория и практика психологического консультирования, преимущественно те его направления, которые тесно связаны с моральными проблемами жизни, с нравственными исканиями (скорее с потерями, чем обретениями), конфликтами в индивидуальном выборе.

Это не случайный поворот от консультирования в сфере организации и управления – к сфере нравственной жизни личности. Но в этом повороте обязательно уже на старте поиска понимание разницы «консультирования» и «консультации», ограничение притязаний ГЭК лишь воспитательным (при всей одиозности этого понятия, особенно применительно к жизни взрослого человека) намерением и отказ от управленческого воздействия на нравственные искания личности, воздействия, которые до сих пор имели не только имидж, но и реальные манипуляторские тенденции. Может быть, еще более строго определить в этом случае задачу «консультации» как майевтическую, чтобы, именно в этом истолковании воспитательной деятельности (10) заложить самые строгие к ней ограничения.

В то же время индивидуально-личностное направление ГЭК не противостоит первому, если учесть, что, например, субъект политического решения, являющийся основным «клиентом» ГЭК в их управленческой версии, к тому же и моральный субъект, субъект личного морального выбора.

В комплекс задач психологического консультирования включаются: просвещение, диагностика, научно-практические рекомендации по образу жизни, самоорганизации деятельности (19, с.43). Значительную часть проблем, которые приводят человека в психологическую консультацию, составляют «житей-

ские»: «часто это – обстоятельства, случаи в жизни, которые оставляют более глубокий след, чем этого хотел бы человек. Есть и другой вариант отношения к психологической помощи – это когда человек обращается за помощью по любому пустяковому случаю в силу своей мнительности, излишней внимательности к своим внутренним проблемам или когда человек просто нуждается в обычном внимании, что часто может быть и оправдано (пенсионеры без родственников и друзей). Некоторых настораживает загадочность, непонятность нежелательных явлений собственной жизни, и знания о себе им необходимы для «оправдания» своих неудач или неудач» (19, с.47,48).

Вряд ли целесообразно говорить здесь об имеющихся в специальной литературе попытках классифицировать типы людей, обращающихся за консультированием (укажу, на всякий случай, на попытку выделить три типа людей по признаку «уверенности в себе» (19, с.48). Но, хотя бы в качестве реплики к цитированному перечню проблем, надо привести суждение специалиста «службы семьи» В. Столина: «человеческая поддержка, дружеское участие — отнюдь не привилегия психологов. Надо ли говорить, что родители, друзья, просто знакомые часто помогают нам в жизни. Друг всегда на твоей стороне... Есть множество различий между дружеским участием или даже помощью общественных организаций и профессиональной психологической помощью, различий в подходах к делу, в способах общения. Одно не должно подменять другое» (см. о «службе семьи» в [16]).

Поиск наиболее близких – с точки зрения предмета ГЭК – тем приводит нас к выдвинутой в специальной литературе проблеме консультирования в ситуации моралепатии. Автор этого подхода отмечает, что необходимо «выделить в особый тип такие случаи, в которых не выявляется психической патологии, а нарушения отношений с окружающими, приведшие, в конечном счете, пациента к встрече с психиатром, были вызваны особенностями морали участников конфликта» (39, с. 208–209).

Продолжая анализ предпосылок ГЭК в опыте организационно-управленческого и личностного консультирования (именно по этим направлениям ведут нас авторы обзорных работ), зафиксируем наиболее близкие к проблематике ГЭК в сфере индивидуальной нравственной жизни те направления психологического консультирования, которые ориентированы на смысловую проблематику исканий личности: «логотерапия», «метаконсультирование». Акцент на опыт именно этих подходов хочу усилить репликой в адрес подходов, отдающих приоритет проблематике техники общения: «Каждый, кто приходит за помощью в нашу консультацию, прекрасно и сам знает, что хорошо, а что плохо. Как сделать, чтобы у него было хорошо, – вот этого, к сожалению, не знает. Помочь ему – задача психолога. Конечно, нет у нас рецепта на все случаи жизни. Но в силу своего специального образования, опыта психолог знает правила общения, технологию этого общения» (интервью В. Столина. Литературной газете). Реплика эта, однако, не преследует задачи развития альтернативного видения, она необходима для подготовки к аргументации уже заявленного ранее подхода к ГЭК как синтезу этико-аксиологического и этико-праксиологического аспектов.

Развивая концепцию самоактуализации – человек, испытывающий потребность в ней как метапотребность, стремится быть тем, чем он может стать – А. Маслоу, американский психолог, ведущий представитель так называемой гуманистической психологии, полагает, что «так же, как требуются консультанты для помощи людям в решении их проблем, связанных с неудовлетворением

потребностей, нужны и метако консультанты, которые помогали бы при заболеваниях души, вызванных неудовлетворением метапотребностей. В некотором вполне определенном и эмпирическом смысле человеку необходимо жить в красоте, а не в уродстве, точно так же, как ему необходима пища для голодного желудка или отдых для усталого тела. Частью нашей работы в качестве консультантов должно быть доведение до сознания людей того, что они имеют свои собственные метапотребности, подобно тому, как традиционный психоаналитик доводит до сознания своих пациентов факт наличия у них их базальных инстинктивных потребностей» (41, с. 111).

Создатель нового направления в психотерапии – логотерапии – австрийский психолог В. Франкл говорит, что «логотерапия считает своей задачей помочь пациенту в поиске смысла своей жизни. В той мере, в какой логотерапия позволяет ему обрести скрытый смысл своего существования, она является аналитическим процессом. В этом отношении логотерапия сходна с психоанализом. Однако в своей попытке нечто осознать логотерапия не ограничивается задачей сделать явными для индивидуального сознания бессознательные явления. Логотерапия расходится с психоанализом в том, что она рассматривает человека как такое существо, чья основная миссия состоит в реализации смысла и в актуализации ценностей, а не в простом удовлетворении влечений и инстинктов» (64, с.121).

Оставляю для дальнейшей поисковой деятельности анализ предложенных данными психологическими концепциями теоретико-прикладных решений проблемы консультирования (восемь путей самоактуализации по Маслоу, три пути обнаружения смысла жизни по Франклу и т.п.). Заключительную часть обзора – поиска предпосылок ГЭК в смежных отраслях человекознания и обществознания считаю необходимым посвятить стилю консультативной деятельности, тем «заделам» решения этого вопроса, которые наиболее близки специфике связи теории и практики в «понимающей этике», т.е. языку диалога этики и морали. Вспомним из предшествующего параграфа тезис о том, что специфика теоретизирования в «понимающей этике» не допускает такой односторонней трактовки взаимодействия теории с обыденным сознанием, когда научная истина проявляет себя лишь в борьбе с предрассудками и заблуждениями здравого смысла. Более того, именно опыт консультирования в смежных отраслях знания позволяет говорить о становлении специфического – доверительно-диалогического стиля консультирования.

Вот факты, на которые можно опереться. Специалисты по организационному консультированию подчеркивают, что опытный консультант отказывается от роли наставника, который ведет обратившегося за помощью руководителя организации «за руку от заблуждения к истине». Избегая навязывания своего мнения, не стремясь настаивать на готовых решениях, консультант вырабатывает и предлагает информацию, «которая служит, по мнению А. Пригожина и С. Хайниша, как бы экраном, демонстрирующим руководителю его же собственные действия в непривычном для него ракурсе. В ходе такой работы, опирающейся на самосознание, руководители предприятия вместе с консультантом ищут решения» (Правда, 19 июля 1982 года).

Особый интерес представляет факт настойчивого уклонения консультантов-психологов от «медицинской модели» отношения к консультируемым. Вот замечание психотерапевта В. Леви в связи с развиваемым им методом игрового группового синтеза: «Амбулаторные пациенты доктора. Пациенты – от слова «страдать», «терпеть», но я хочу энергично подчеркнуть, читатель, что слово

«больные» здесь ни при чем и вообще не употребляется. Ни о каких диагнозах речь не идет. Просто люди. С проблемами». (37, с.12).

И, наконец, еще один факт, свидетельствующий о том, что ГЭК в поисках стиля отношений между этиком и моральным субъектом может опереться на положительные тенденции иных направлений консультирования. Автор концепции самоактуализации А. Маслоу ставит вопрос о том, кем является консультант, как он может помочь людям, которые к нему обратились, и предлагает ответ через категорический отказ от «медицинской модели»: «Я употреблял слова «терапия», «психотерапия» и пациент». Я ненавижу все эти слова и ненавижу ту медицинскую модель, которую они подразумевают, потому что модель эта предполагает, что человек, обращающийся к консультанту, – человек больной, ищущий лечения. На самом деле, мы, конечно, надеемся, что консультант будет помогать самоактуализации людей, вместо того, чтобы стремиться вылечить больного» (41, с.116). Какова же позитивная модель? Маслоу продолжает: «Модель помощи также должна уступить свое место какой-то другой модели, она просто не подходит. Она заставляет нас представлять консультанта в виде профессионала, который все знает и со своих привилегированных высот протягивает руку помощи бедным невеждам внизу, которые в ней так нуждаются. Консультант также не является учителем в обычном смысле... Я думаю, что, независимо от слова, понятие, к которому мы в конечном счете должны прийти, будет близким тому, что имел в виду еще много, много лет назад Альфред Адлер, говоря о «старшем брате». Старший брат – это любящий человек, который берет на себя ответственность за младших. Он, конечно, знает больше, он жил дольше, но он не есть нечто качественно отличное, относящееся к другому миру. Мудрый и любящий старший брат пытается совершенствовать младшего, пытается делать его лучше, чем он есть, но в рамках собственного стиля младшего. Смотрите, насколько это отличается от модели «учить кого-то, кто ничего не знает!» (41, с.116). Это рассуждение, полагаю, не противоречит моему тезису о том, что субъект ГЭК – ученый, ибо речь шла об особой теории, о специфическом виде теоретизирования.

Итак, я привел три факта. Ограничусь этим. Тем более, что в разделе, посвященном этической деловой игре «Самотлорский практикум – 1», нам предстоит еще вернуться к проблеме предпосылок ГЭК – ведь одна из задач той игры и заключалась в такого рода поиске, сам процесс которого не менее важен, чем предъявленные здесь научные факты. А пока констатирую: образ ГЭК, имея в виду этическое ядро, как видно из предшествующего анализа, еще только предстоит создать через посредство глубокого освоения представленных ранее предпосылок развития собственной теории этико-прикладных исследований и в процессе рефлексии по поводу опыта практического развития ГЭК. Здесь зафиксирую лишь очевидные моменты в характеристике экспертно-консультативной функции прикладной этики, для реализации которой этико-прикладное знание воплощается в его фронестическом виде.

ГЭК, во-первых, предпринимается в уникальной ситуации морального выбора.

ГЭК, во-вторых, – диалог, диалог персонифицированного этико-прикладного знания (в лице ученого, который представляет не «организацию», а выступает как личность) и конкретного субъекта принятия решения.

Экспертиза, в-третьих, только исходный этап процесса подготовки решений средствами прикладной этики: экспертиза – предпосылка для постановки вечных «что делать?» и «как делать?» Экспертиза может быть и самостоя-

тельной функцией этико-прикладного знания, однако столь же вечен и соблазн для эксперта «умыть руки» после выявления «болевых точек» («Я сказал!»). Искупление – в консультировании, в переводе диагноза в проект решения, в переходе от роли аналитика на роль деятеля: он не ограничивается «обезболиванием», а стремится обеспечить поддержку «точкам роста». Экспертиза и консультирование – своеобразный диполь, реализующий синтетическую функцию этико-прикладного знания.

Попытка эскиза функций экспертизы и консультирования уже подвела нас к ключевой задаче раздела, к вопросу о предмете ГЭК, об основных направлениях приложения экспертно-консультативной функции прикладной этики. В какой мере уже сегодня можно определить предмет ГЭК, избежав при этом гиперпритязаний? Выделю в утверждающейся еще только практике ГЭК две отличительные черты, характеризующие ее предмет: а) особенности ситуаций-вызовов и подхода к ним; б) типы направлений приложения.

Заявляя в качестве своего предмета процесс подготовки принятия решения в ситуации выбора, концепция ГЭК уже в ее тезисном предъявлении акцентировала в любой ситуации выбора моральный аспект, трактуя ситуацию как моральный выбор. Этическое ядро системы базовых ценностей, из которых исходит ГЭК, авторам концепции еще только предстоит создать. Первые шаги в этом направлении предприняты и в теоретическом аспекте (прежде всего, изучение ситуации выбора идеалов /10/), и в эмпирическом исследовании современных ценностей в процессе «демократической экспертизы» (26). Ближайшая задача – развитие системы базовых ценностей (этому посвящена работа В. Н. Сагатовского в подготовленном к печати сборнике), их операционализация, развертывание эмпирических аксиологических исследований. Очевидна значимость решения этой проблемы, ибо основания «совета», и «рекомендации», «оценки» и т. п. должны быть, прежде чем их предъявляют «заказчику», отрефлексированы самим субъектом ГЭК, в том числе и для того, чтобы этот «заказчик» мог, в зависимости от «оснований», выбирать себе эксперта. Этическое ядро системы организует функции экспертизы и консультирования на выявление стержневого статуса именно нравственных ценностей, на включение моральных критериев во все аспекты ситуации выбора – политические, управленческие, экономические, правовые, психологические, педагогические и т.п. Не мораль «вместо» экономики, политики, права, но новая – без отчуждения, без морализаторства – реально-гуманистическая моральная позиция, «собирающая» указанные грани в систему, в целостность.

Степень реальности такого гуманистического подхода к организации системы базовых ценностей определена степенью возрастания свободы в жизни общества. Сегодня моральная ситуация значительно изменилась (об этом шла речь специально в репринте 1), позволив нравственным требованиям стать не только менее лицемерными, но и сменить пропорции между рамками-нормами и нормами-целями, повысив значимость побудительной силы моральных ценностей, в том числе и в отношении экономических, политических интересов общества, в отношении духа свободы личности. В обстоятельствах расширения шансов на смягчение отчуждения, благодаря изменениям во всех сферах жизнедеятельности, возросла не только критическая, но и созидательная роль морали, ее потенциал теперь прямо ориентирован на поддержку человека-выбирающего, человека-рискующего, человека-деятеля, поддержку как культивирование морально-положительных стимулов в экономической, политической, правовой сферах деятельности, тенденций свободы, культивирование через

оформление этих тенденций в социальных и воспитательных технологиях. При этом этическое ядро в системе базовых ценностей – не «главенство» (которое чревато «гиперморальностью», вполне возможным «грехом» не только «доперестроечной» эпохи, но и нашего времени с его особой потребностью в возвышении нравственных ценностей), а партнерство, без которого не только выродятся этика и мораль, но и дегуманизируется правовая, политическая и экономическая культура. В свою очередь, реализм ГЭК обуславливает такое определение предмета, когда аксиологическое измерение конкретизируется не только своим пронизывающим характером в различные грани ситуации выбора, но и сращиванием аксиологических и праксиологических критериев.

Определение предмета ГЭК требует приоритетного внимания к проблемным ситуациям выбора, прежде всего связанным с конфликтностью описанного ранее отношения идеалов свободы и справедливости. Для таких ситуаций в известном опыте и в научном арсенале нет окончательного решения, это не задача выбора из уже найденных, «готовых» альтернатив, но поиск неизведанного, состояние неопределенности, дух новизны. И ГЭК здесь, конечно, не панацея, не гарантированный выход, но лишь соучастие в поиске решения, стремление минимизировать его риск. Важно при этом не истолковать проблемность ситуации как основание для жестко-альтернативного подхода, милитаризации видения, ориентации решения только лишь на «игру с нулевой суммой». Во многом именно мастерство компромисса – не только политического, но и морального – является показателем эффекта ГЭК, проявлением фронезиса.

Три тематических направления ГЭК выявились сегодня в рамках организационно-управленческой ветви с достаточной определенностью (именно их анализ и предстоит нам в следующих разделах, призванных дать фактическую аргументацию концепции ГЭК): этико-политическая культура принятия решения; этические комитеты профессиональных ассоциаций; деонтология и праксиология воспитательной деятельности.

Первое из них концентрирует выбор задач для ГЭК вокруг актуальных заказов практики перестройки, связанных с демократизацией выборов в партийные комитеты, советские органы, с моделированием проектов партийных и государственных решений, с попытками поиска справедливого решения этнических, экологических, хозяйственных проблем. Второе направление – ответ на заказы (или инициирование от имени самих специалистов по прикладной этике) профессионально-нравственных ассоциаций (социологов, журналистов, менеджеров, депутатов и т.д.). В его рамках особое место занимает проблема соотношения этоса и кодекса ассоциаций. Третье – поиск в сфере философии, социологии и этики воспитательной деятельности. Предмет поиска определяется ролью воспитания в выборе будущего для нашего общества. Очевидно, что этот поиск связан с профессионально-нравственной проблематикой, характерной для второго направления. Но не менее важно увидеть связь третьего направления с первым. Да, сегодня ГЭК политических решений несомненно доминируют над всеми другими сферами приложения, в том числе и в отношении воспитательной деятельности. Однако если иметь в виду косвенное воспитание, то, может быть, справедливо распространить оценку приоритетности первого направления и на третье – речь идет о политическом решении как о косвенной воспитательной деятельности, об определенном тождестве политического решения с воспитательным.

Дело в том, что участники моделирования политических решений во

время игры оказываются и участниками моделирования воспитательной деятельности, выступают субъектами воспитательного процесса. Оптимизация социальной среды – экология морали – как эффект политического решения дает и эффект формирования, воспитания человека в соответствии с идеалом общества. Гуманизация социальной среды выступает здесь как проектирование элементов «воспитывающего общества», спасающих, кстати, от «греха» воспитательного утопизма. Не менее важен и эффект (косвенный) самовоспитания участников игр, посвященных ГЭК политических решений, формирование культуры человека, выбирающего, возможное лишь в условиях сближения ценностей политики и морали.

Определение указанных направлений развития ГЭК не вызывает особых трудностей, ибо по каждому из них имеется и некоторый задел, и достаточно четкая перспектива. Более трудно решиться на включение в число направлений гипотезы о возможности и необходимости развития **внеуправленческой ветви** – консультирования индивидуальной нравственной жизни личности. Опыта игрового моделирования в рамках этого направления как **самостоятельной** сферы приложения ГЭК еще нет – нет как самостоятельной задачи, ибо косвенно оно не могло не пронизывать практически любой опыт ГЭК в управленческих приложениях. Поэтому здесь, полагаю, целесообразно предъявить лишь заявку на личностное направление ГЭК (43), тогда и в разделах цикла, посвященных анализу конкретных игр, можно было бы апеллировать к этой заявке, а в заключительном разделе всей работы естественнее будет выглядеть аванпроект разрабатываемой в рамках этого направления первой игры.

Индивидуально-личностное консультирование – не уход от организационно-управленческого направления ГЭК, а поиск за пределами интервала эффективности, испытание другой ветви «дерева» прикладной этики. В условиях возросшей в современной ситуации свободы выбора и массового производства нестандартных ситуаций (об этом уже шла речь в разделе 1) личность ждет от теории не просто «воспитательных рецептов», а именно консультативной поддержки, помощи в опознании у квалификации всех альтернатив выбора, прогнозирования отдельных последствий каждой из них, надеется в диалоге с этикой укрепить свой нравственный потенциал, увеличить его надежность.

Этическое консультирование необходимо прежде всего в кризисных ситуациях нравственной жизни, в «пограничных ситуациях» морального выбора, создающих предельную форму нравственного конфликта. Этическое консультирование – поддержка и усиление внутренних моральных ресурсов личности, мобилизуемых для решения конфликтной ситуации, когда перед моральным субъектом встает задача не просто «справиться» с конфликтом, но и преодолеть его по критериям морального творчества. Речь идет о творчестве в выдвижении новых ценностей, норм, оценок, в реализации существующих норм применительно к особенностям конфликта, а также в выборе наиболее гуманного способа его разрешения. Этическое консультирование адресовано как к конкретным ситуациям нравственной жизни, так и мировоззренческим аспектам морального выбора. Если в первом случае это происходит косвенно, введением ситуации в поле мировоззренческой рефлексии, то во втором – этическое консультирование прямо ориентировано на высшие социальные потребности человека, его нравственные искания в сфере смысложизненных измерений бытия, на творчество субъекта в программировании своего нравственного пути. В целом этическое консультирование дает субъекту возможность опереться на

теоретически апробированный нравственный опыт общества.

В рассмотренных предпосылках ГЭК именно опыт психологического консультирования ближе всего к данному направлению, в комплексных этико-психологических подходах больше всего возможностей для инициирования ГЭК. Важен и внутриэтический ресурс. Так, например, одной из базисных концепций развития личностного направления ГЭК, реализующих парадигму диалогичности, может стать этико-прикладная концепция, предметом которой является нравственная жизнь; каналом практического приложения этой теории и выступают экспертиза и консультирование. Понятие «нравственная жизнь» отражает жизненный путь морального субъекта, организованный ситуациями выбора, и, в свою очередь организующий эти ситуации. Категориальный аппарат такой ветви «понимающей этики» ассимилирует понятия смежных отраслей человекознания: «жизненный путь», «жизненная ситуация», «жизненный опыт», координируя их для целостного видения нравственной жизни как жизнотворчества с помощью понятия «нравственная мудрость». Системообразующая роль этого понятия создает здесь, как и в «понимающей этике» в целом, особое сочетание объяснения и понимания, познания и переживания, научно-теоретического и ценностного сознания, обеспечивающих теории и практике экспертизы и консультирования герменевтический эффект (43).

Полагаю, что цели и серьезность намерений в инициировании этого направления ГЭК нисколько не умаляются тем, что в сценарий игрового моделирования соответствующих ситуаций нравственной жизни будут включены два эпиграфа. Первый – из главы «Наука о личной жизни» в книге В. Леви «Я и Мы»: «нет, науки такой пока нет и, кажется, слава богу, ибо в тот день, когда эта наука появится, личная жизнь на земле прекратится. Но, может быть, страх этот – всего лишь обывательский предрассудок? Во всяком случае, науки, крутящиеся вокруг да около, уже появились, а личная жизнь пока продолжается». Второй эпиграф – реплика из диалога консультанта с читателем в другой книге В.Леви (37, с.29): «Вы что же думаете, Пушкин пошел на дуэль из-за отсутствия дежурного психотерапевта?».

Итак, мы обратили особое внимание на два основных вида направлений ГЭК – организационно-управленческий и индивидуально-личностный. Гуманистический характер экспертизы и консультирования в их организационно-управленческом приложении концентрируется в проявлении смысла деятельности, в нравственной оценке ее целей и средств. Особая задача ГЭК – развитие современного морально-этического мышления ЛПР, постепенная передача им части экспертно-консультативных полномочий, демократизация процесса выдвижения целей и способов исполнения этих полномочий посредством апелляции к общественному мнению.

Личностное направление ГЭК приложимо прежде всего к ситуациям нравственной жизни, характеризующим ключевые выборы на основных этапах жизненного пути человека. Основная задача ГЭК – поддержка и усиление внутренних моральных ресурсов личности, мобилизуемых для творческого морального выбора, создание возможности преодоления «одиночества в решении», соавторства личного выбора с историческим опытом нравственной жизни.

5. ЧЕМ КОМАНДА КОНСУЛЬТАНТОВ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ «УЧЕНОГО СОВЕТА ПРИ ЧИНГИСХАНЕ»?

Автор выявил два основных побуждения, склоняющих администраторов обращаться к бизнес-консультантам. Это случается во-первых, когда они хотят, чтобы им посоветовали провести уже намеченную ими реорганизацию. И, во-вторых, когда надеются, что им посоветуют проводить реорганизацию, которая для них невыгодна.

(Н. Паркинсон. Законы Паркинсона)

Гуманитарная экспертиза и консультирование – особая культура взаимоотношения науки и практики. Аргументы в пользу этого тезиса уже были приведены в параграфе, представляющем экспертно-консультативную функцию прикладного этического знания, и при характеристике фронестики – прежде всего, с точки зрения особого отношения здравого смысла с «понимающей этикой». Тем не менее характеристика деятельности субъекта ГЭК как научной (именно такой акцент был сделан при анализе предпосылок ГЭК в смежных отраслях знания) ставит концепцию перед решением ряда неотложных вопросов.

Во-первых, квалификация ГЭК как профессиональной деятельности ученого вызывает возражение тех специалистов по этике, которые рассматривая ее как философскую науку, полагают, что приложение этического знания оборачивается депрофессионализацией: противоестественно решать практические вопросы с помощью философских абстракций. Что же, сомнения такого рода можно парировать напоминанием о трактовке этики как системы знания, организованного философским ядром, но не сводящегося к нему. Во-вторых, возникает вопрос о совместимости тезиса о профессиональном статусе ГЭК с общепризнанным в современной культуре положением о равенстве всех моральных субъектов перед ситуацией выбора, о суверенности и даже «одиночестве» каждого субъекта, принимающего моральное решение. И этот вопрос находит ответ в рамках диалогической трактовки отношений этики и морали, частично представленной в параграфах 2 и 3, а специально – в публикациях (3,9). Профессионализм как владение фронестикой для организации такого диалога, для культивирования моральной рефлексии, подключения творческого процесса нравственных исканий личности к опыту человечества достаточно точно определяет интервал эффективности ГЭК.

Остается, однако, целый клубок противоречий, встающих перед концепцией ГЭК в ходе теоретического обоснования и практической реализации функции научной экспертизы процессов принятия решений. Стержень этих противоречий – в стремительном и непрерывном обновлении статуса **субъекта экспертизы и субъекта принятия решений**, обновлении, выражающем демократизацию общества, атмосферу антисциентистских и в этом смысле антипрофессионалистских настроений в отношении к ведомственной науке и антибюрократических – к аппарату управления как субъекту решений. Чрезвычайно сильна тенденция общественного мнения противопоставить во многом дискредитировавшему себя «казенному профессионализму» альтернативу са-

модеятельных, независимых экспертиз.

Полагаю, что концепция ГЭК должна быть подвергнута в этом случае испытанию «антиномией практического действия» Станислава Лема: «цивилизация как правление экспертов» или как «правление всех». Уточню: до сих пор мне не удалось зафиксировать притязания на консультирование процессов принятия решений от самодеятельных движений*, да и антиномия Лема имеет лишь косвенное отношение к нашей теме; здесь я использую ее эвристический дух для постановки вопроса о праве ученых-гуманитариев принимать социальные заказы на экспертизу и отвечать на них (а иногда и самим инициировать) своей научно-практической деятельностью.

Идея тотальной экспертизы социально-важных проектов и программ (но именно экспертизы, а не ее диполя с консультированием) сегодня не просто носится в воздухе, а заявляет о себе в планах различных научных организаций и учреждений. Так, например, при президиуме Академии наук СССР предлагается создать прогнозно-аналитический центр, основной задачей которого стала бы организация многоаспектного анализа, экспертизы и прогнозов по наиболее актуальным вопросам современной жизни. Научная экспертиза в этом случае рассматривается как неотъемлемый элемент научной деятельности в условиях вступления общества в новую ситуацию, требующую особо ответственных решений. При этом подчеркивается, во-первых, что эксперты должны выступать не как представители организаций, а в личном качестве, гарантируя объективность оценки своей собственной научной репутацией. Во-вторых, отмечается важность объединения усилий научной и творческой интеллигенции, и в качестве одной из форм такой консолидации интеллектуального потенциала предлагаются научно-культурные теоретические семинары-клубы. В свою очередь, такое широкое привлечение научного сообщества к процессам принятия решений кроме собственно научной функции может и должно стать инструментом демократизации, гуманизации, интеллектуализации нашего общества.

Настойчиво выдвигается и отстаивается идея экспертизы как суда общест-венности. Открытая экспертиза независимых специалистов как альтернатива ведомственным экспертизам отстаивается организаторами Союза ученых СССР. Вневедомственный характер оценки крупных социальных проблем на комплексной основе считает своей задачей политико-культурный общественный клуб «Московская трибуна». Задуманный как сообщество высококвалифицированных профессионалов в различных областях интеллектуального труда, обладающих безупречной гражданской репутацией, клуб стремится установить диалог между партийно-государственным руководством и общественностью.

Независимость и компетентность экспертизы настоятельно подчеркивается в декларациях различных неформальных движений: фронтов «зеленой»

* Кстати, и научное сообщество вовсе не обладает автоматической готовностью на выполнение консультативных функций, а в некоторых проблемных ситуациях либо уклоняется, либо оказывается в состоянии растерянности и несостоятельности. Характерна в этом плане напряженная ситуация, возникшая на Пленуме ССА в Суздале, когда ассоциации социологов был предъявлен неотложный запрос на консультирование конфликта в Нагорном Карабахе. Вот устные выводы самих участников этого спонтанного консилиума: профессиональный опыт социологов дает мало подсказок, отсюда консультирование осуществлялось на уровне здравого смысла гражданина (В.Ядов); обнаружился квалификационный испуг перед проблемой-заказом, традиционная социология остановилась перед барьером, ограничивая свои рекомендации здравым смыслом (А.И.Пригожин).

ориентации, включающих в свою структуру общественную экспертную группу, избирательных клубов, организующих научно-консультационные советы, когда связь независимых ученых-экспертов и народных депутатов с общественностью предполагается осуществлять через систему научно-политических клубов. Когда эта рукопись готовилась к печати, были учреждены «Комитет общественной экспертизы СССР» и «Московский центр стратегических исследований».

Характерны поиски нового субъекта экспертизы, не сводимого к представителям научного сообщества, иных видов сообщества экспертов (Римский клуб, Иссык-Кульский форум, «Самотлорский практикум»), новых методов проведения экспертизы, в том числе игрового моделирования (организационно-деятельностная игра как ядро социально-экологической экспертизы на Байкале; этическая деловая игра по проблеме справедливого решения судьбы малых народов Севера «Самотлорский практикум–2», которому посвящен специальный раздел данной работы и т. д.). Активизировалась идея советов мудрецов («Мудрецы под флагом Юнеско», например). Вот как декларируется стиль Иссык-Кульского форума: «Усилия мысли Иссык-Кульского форума» как своеобразного совета мудрецов, никем не назначенных, но избравших друг друга для сокровенного волеизъявления, свободного проявления мыслей во имя творческого созидания и попытки предостичь будущее, выйти из тени будущего, уже сегодня становятся осязаемыми. Их влияние на жизнь людей органично, неожиданно и в свободном своем движении простирается далеко. Иссык-Кульский форум – не симпозиум, нет. И не международное совещание, и не конгресс, и не клуб. Это именно то, что, наверное, в старину бы назвали «философские беседы», то, что Чингиз Айтматов на первом форуме, пытаясь определить жанр встречи, определил традиционным киргизским понятием «шерне» – когда умудренные жизнью старики ездили в гости друг к другу просто побеседовать, поговорить. Мне кажется, что «Иссык-Кульский форум» как идея, как художественная форма, если хотите, как художественный жанр, найденный Айтматовым, развивается опять же по каким-то свободным законам как некая художественная модель общения людей в общей заботе о судьбах человечества».

Какое отношение имеет антиномия Лема к описанным выше подходам, версиям субъекта экспертизы? Действительно ли существует противоречие массовости и компетентности, не допускающее хотя бы компромиссного выхода? Да, степень сложности вопроса, подвергаемого экспертизе, обратно пропорциональна числу людей, разбирающихся в этом вопросе. Но чем больше доверия специалистам, тем уже круг людей, влияющих на принятие решений. Элитарность или псевдodemократия?! Так и подмывает качнуть маятник, резче загresti веслом, чтобы компенсировать гипердемократичностью, гипердилетантизмом разочарование в ведомственной компетентности, в бюрократизированном профессионализме. Однако здесь одна крайность вряд ли окажется достойнее другой.

Действительно, весьма широко распространено представление о том, что в век НТР, усложнения социальных связей «непрофессионала» не только не следует привлекать к подготовке ответственных решений, к разным формам соучастия в управлении, в том числе и к экспертным заключениям, но и советоваться с ним не стоит. «Профессионализм» подобного свойства, однако, не оказывается ли завуалированным и модернизированным бюрократизмом? Из этого, разумеется, не следует вывод о принижении роли компетентности в экс-

пертизе, как и не вытекает заключение о неотвратимости связи процесса демократизации управления с дилетантизмом. Скорее, наоборот, бюрократический чиновник сплошь и рядом только для профформы прибегает к услугам эксперта-ученого, плодя произвол и субъективизм как в стратегическом решении, так и в оперативном управлении. Не с этим ли обстоятельством связан поток жалоб на падение профессионализма во многих сферах человеческой деятельности, особенно в управлении?

Видимо, не следует искать панацеи ни в супернаучном составе экспертиз, ни в супермассовости опросов общественного мнения. Гораздо меньше ошибок может дать сочетание того и другого, чем абсолютизация одного из них. Не провоцировать антиномию Лема и не пытаться устранить ее простым покаянием в грехе сциентизма, с одной стороны, и в некомпетентности, дилетантизме – с другой. Антиномия эта может быть смягчена лишь за счет развития научной культуры общественных экспертиз и демократической культуры экспертиз научных, посредством преодоления как ведомственного эгоизма, так и эгоизма «большинства». Антиномия может быть минимизирована конкретизацией ответственности ученых, общественного мнения, лиц, принимающих решение; конкретизацией в виде особо **организованной** связи науки, общественности и власти, особой формой проведения экспертизы, а также диалогом между субъектами экспертизы и субъектом принятия решения в единой **целевой научно-практической бригаде**, работающей в режиме игровой команды.

Вспомним еще раз заявленную ранее позицию ГЭК как «экспертизы экспертиз», в которой заложено стремление обеспечить гуманитарность оценок и рекомендаций практике политических решений преодолением узости, односторонности взглядов, неизбежных и в экспертных заключениях самых компетентных профессионалов. В этом плане для теории и практики ГЭК, стремящихся смягчить «антиномию Лема», полезен каждый из подходов, который помогает экспертам испытать интервал эффективности принятой парадигмы и при необходимости сменить ее. Представляется справедливым рассуждение, опирающееся на опыт гражданских движений за реализацию общечеловеческих ценностей. «Проблема экспертов не в том, что у них отсутствует профессионализм или чувство ответственности. Их проблема в узости взгляда, – пишет П. Гладков. – Именно то, что делает их высококлассными специалистами в своей узкой области, оказывается недостаточным и даже опасным, когда они начинают заниматься более широкими проблемами политики. Человек, профессионально занимающийся какой-то проблемой в рамках определенной парадигмы, взаимосвязанной и непротиворечивой картины мира, психологически отождествляют себя с ней и не способен взглянуть с иной точки зрения, перейти в другое измерение. История, однако, свидетельствует о том, что если на нерешаемую проблему, ведущую или уже приведшую к тупику, взглянуть с иной перспективы, она не только оказывается решаемой, но и выясняется, что возможности для решения все время были налицо. Мешало лишь психологическое сопротивление отрешиться от непривычного угла зрения. Именно в этом, в изменении угла зрения, в расширении выбора возможностей, в создании новой психологической атмосферы, делающей возможным альтернативный спектр вариантов развития, облегчающей смену парадигм, – заключается, на наш взгляд, основная роль гражданских движений на современном этапе, движений, все больше сливающихся в единое движение за реализацию общечеловеческих ценностей» (22, с.15).

Так диалогичность науки и практики в концепции ГЭК сказывается не

декларацией, а методически и организационно обеспеченным процессом творчества. Не ставя здесь задачи описания методики деятельности целевой бригады (частично она будет представлена в описании конкретных игр, а кроме того, в ряде публикаций /3,9,65/), отметим в заключение, что постановка вопроса о профессиональном статусе субъекта экспертизы не противоречит тезису равенства всех моральных субъектов. В то же время трудности преодоления антиномии Лема усугубляются тем, что моральные критерии экспертизы не могут и не должны быть компенсацией неразвитости правового и политического сознания, реальная задача этического консультирования – содействовать становлению правового государства, формированию права на выбор, а не подменять его энтузиазмом морализаторства. Лишь в этом случае антиномия Лема может быть объектом не только профилактики, но и лечения, правда, если одновременно производится та же работа и в отношении болезни, диагноз которой вынесен в заглавие параграфа.

Особые отношения теории и практики в концепции ГЭК не отменяют основного источника инициативы экспертно-консультативной деятельности ученого – «социального заказа», чаще всего персонифицированного со стороны какого-либо ЛПР. Разумеется, концепция ГЭК принципиально критична к позиции «заказчика». Как это уже не раз декларировалось ранее, аргументировалось в специальных работах, посвященных циклу «заказ – разработка – внедрение» в прикладной этике (3, 9), эксперты и консультанты не просто «обслуживают» интересы организации по проблемам эффективности «человеческого фактора», но стремятся выступить выразителями сущностных возможностей и способностей человека от имени его глубинных интересов и обращаются в конечном счете к нему самому.

Однако непрерывное самозакливание по поводу опасности «заказа» как источника активности ученого, неустранимый внутренний комплекс вряд ли случайны. Заданный в самом названии этого параграфа вопрос только кажется риторическим, его пафос может лишь показаться чрезмерным. Разве исчезла традиционная для гуманитариев опасность дурной ангажированности? Печальный опыт нашего обществознания дает достаточно примеров.

Как справедливо отметил Б.Г. Грушин, еще только предстоит положить конец такому положению вещей, когда ученые (социологи) представляют собой нечто вроде «Ученого Совета при Чингисхане»: будешь стоять на своем, говорить правду – не снесешь головы, будешь угодничать, лгать – останешься жив, но обнаружишь свою полную несостоятельность (23, с.32).

Вполне естественной может показаться на фоне этих трудностей уклонистская позиция, минимизирующая активность и инициативу концепции ГЭК, тем более, что существует и неопределенность в решении вопроса об ответственности эксперта за реализацию его рекомендаций. «Некоторые авторы полагают, что максимальная заинтересованность эксперта достигается тогда, когда на него одновременно возлагается ответственность за реализацию высказанных им рекомендаций... В ряде ситуаций совмещение решений, вероятно, действительно полезно. Однако в других случаях оно может негативно отразиться на работе экспертов, привести к отказу от рекомендаций смелых и рискованных вариантов развития» (67, с. 157).

Реальность этой и указанных ранее опасностей применительно к концепции ГЭК вполне очевидна. Элементы профилактики разработаны в рамках метода целевой научно-практической бригады. Что касается успешности (неуспешности) преодоления этих опасностей, это станет очевидно при анализе ре-

ального опыта внедрения концепции.

Не забывая о гипотетичности тезисов и ряда приведенных в их пользу аргументов концепции ГЭК, рассмотренной в этом разделе, ограничивая пафос максимальной реалистичностью в определении намерений и возможных притязаний, ориентируясь на экспериментальный характер выдвигаемых целей, задач и методов («рабочая гипотеза»), поставлю, наконец, вопрос о конкретизации тезиса, согласно которому ключевым методом ГЭК являются этические деловые игры. Исследование природы этого метода и его исключительного статуса для концепции ГЭК будет приведено в следующем препринте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров Ю. П. Семейная педагогика. – М., 1982.
2. Абчук В. Правила удачи. – М., 1986.
3. Бакштановский В. И. Этика как практическая философия. – М., 1983.
4. Бакштановский В. И. Моральный выбор личности: альтернативы и решения. – М., 1983.
5. Бакштановский В. И. Моральное творчество: союз теории и практики. – В кн.: Методологические проблемы исследования социалистической морали и нравственного воспитания. – М., 1987.
6. Бакштановский В.И. Современное этическое мышление: опыт Самоотлорского практикума». – В сб.: Мораль и этика. Мораль в социалистическом обществе. – М., 1989.
7. Бакштановский В.И. Возможность выбора? Право выбора? Культура выбора! – В сб.: Освоение без отчуждения. ч. II. – Тюмень, 1989.
8. Бакштановский В.И. Самоотлорский практикум: воспитание выбором. – В сб.: Самоотлорский практикум–2. Материалы экспертного опроса. – Москва – Тюмень, 1988.
9. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. – Томск, 1986.
10. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Деонтология и праксиология воспитания. Ч. I. II. – Тюмень, 1989.
11. Бакштановский В.И., Казаков Ю.В., Чурилов В.А. Гуманитарная экспертиза как шаг к выживанию. – Диалог, 1989, № 8, Тюмень.
12. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Фронеzis. – В сб.: Самоотлорский практикум. – Тюмень, 1987.
13. Бакштановский В.И. Ганжин В.Т., Согомонов Ю.В. Фронеzis –2. – В сб.: Самоотлорский практикум–2. – Москва – Тюмень, 1988.
14. Бакштановский В.И., Чурилов В.А. В ситуации выбора. – Коммунист, 1989, № 13.
15. Бахмутский В. Французские моралисты. – В кн.: Ф. де Ларошфуко. Максимумы, В.Паскаль. Мысли, Ж. де Лабрюйер. Характеры. – М., 1974. В кн.: Прикладные проблемы социальной психологии. – М., 1983.
16. Бодалев А.А., Обозов Н.Н., Столин В.В. О службе семьи. –
17. Буржуазная философия XX века. – М., 1974.
18. Великовский С. В поисках утраченного смысла. – М., 1979.
19. Вопросы практической психодиагностики и консультирования в вузе. – М., 1979.
20. Гадамер Х. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., 1988.
21. Галин А. Когда ходуном ходит зал. – Лит. газ., 1989, 26 июля.
22. Гладков П. Психология выживания. – Век XX и мир, 1988, №4.
23. Грушин Б. Ученый Совет при Чингисхане? – Новое время. 1988, № 43.
24. Головаха Е.И., Кроник А.А. Конструктивная психология: предмет и задачи. – В кн.: Методологические проблемы оснований науки. – Киев, 1986.
25. Гуманитарные науки в контексте социалистической культуры. – Новосибирск, 1984.
26. Диалог. – 1989, № 8, Тюмень.
27. Донченко Е.А., Титаренко Т. М. Личность: конфликт, гармония. – Киев, 1987.
28. Идеалы и нормы научного исследования. – Минск, 1981.

29. Каграманов Ю. Без знамени. Взаимоотношения искусства и науки в современном буржуазном обществе. – М., 1979.
30. Касымжанов А. Х., Кельбуганов А. Ж. О культуре мышления. – М., 1981.
31. Кезин А. В. Научность: эталоны, идеалы, критерии. – М., 1985.
32. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. – М.: Экономика, 1975.
33. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания. – М., 1988.
34. Кукушкина Е.И. Обыденное сознание, обыденный опыт и здравый смысл. – Философские науки, 1986, № 4.
35. Ларичев О. И. Наука и искусство принятия решений. – М., 1979.
36. Левшин Л. А. Логика педагогического процесса. – Вопросы философии, 1976, № 6.
37. Леви В. Л. Искусство быть другим. – М., 1981.
38. Лем С. Не может быть рая на земле. – Огонек, 1989, № 13.
39. Леонтович К. Ф. Стадии морального развития личности, стиль поведения и художественный вкус. – В кн.: Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М., 1979.
40. Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы. – В кн.: Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
41. Маслоу А., Самоактуализация. – В сб.: Психология личности. Тексты. – М., 1982.
42. Методические рекомендации к исследовательскому проекту метода и цикла этических деловых игр. – Тюмень, 1986.
43. Методические рекомендации по конструированию и внедрению деловой игры «Этическое консультирование». – Тюмень, 1987.
44. Милинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии. – В кн.: Научная деятельность: структура и институты. – М., 1980.
45. Момов В., Бакщановски В., Согомонов Ю. Приложная этика. – София, 1988.
46. Нравственная жизнь человека /Под ред. А. И. Титаренко. – М., 1982.
47. Панкова Л. А., Петровский А. М., Шнейдерман М. В. Организация экспертизы и анализ экспертной информации. – М., 1984.
48. Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора. Материалы экспертного опроса. – Москва–Тюмень, 1990.
49. Пригожий А. И. Игровой подход в управленческом консультировании нововведений. – В сб.: Проектирование и организация нововведений. – М., 1987.
50. Пригожин А. И. Организация: система и люди. – М., 1983.
51. Пригожин А. И. Нововведения: стимулы и препятствия. – М., 1989.
52. Проданов В. Прикладно-этическое познание – глобальная тенденция современной науки. – В кн.: В. Момов, В. Бакщановски, Ю. Согомонов. Приложная этика. – София, 1988.
53. Рабинович В.Л. Средневековый рецепт как форма познания природы. – В кн.: Методологические проблемы историко-научных исследований. – М., 1982.
54. Развитие этики: панорама идей. – Вопросы философии, 1984 № 6.
55. Рудельсон Е.А. Типология социально-гуманитарного знания как философская и методологическая проблема. – В сб.: Проблема методологии социально-го познания. – Л., 1985.
56. Самоглотский практикум. Материалы экспертного опроса. – Тюмень, 1987.
57. Самоглотский практикум–2. Материалы экспертного опроса.– Москва–Тюмень, 1988.
58. Сараскина Л. Все это уже было. – Век XX и мир, 1989, № 5.

59. Симонов П. В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. – М., 1984.
60. Соловьев Э. Ю. Знание, вера, нравственность. – В сб.: Наука и нравственность. – М., 1971.
61. Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания. – М., 1974.
62. Титаренко А. И. Антиидеи. – М., 1984.
63. Три дня в Полтаве или монологи о сельскохозяйственном труде и мировоззрении земледельца. («Круглый стол»). – Знамя, 1987, № 3.
64. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия. – В сб.: Психология личности. Тексты. – М., 1982.
65. Чурилов В. А. Задачи и формы совместной деятельности ученых и практиков. – В кн.: Теория и практика нравственного воспитания в трудовых коллективах. – Новосибирск, 1982.
66. Швейцер А. Культура и этика. – М., 1973.
67. Шляпентох В. Э. Как сегодня изучают завтра. – М., 1975.
68. Юксвярав Р.К., Хабакук М.Я., Лейман Я.А. Управленческое консультирование: теория и практика. – М., 1988.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Свобода... Храм или Лаборатория?	3 стр.
1. Лаборатории, которые мы выбираем: тезисы концепции	8 стр.
2. «Практическая философия» на перепутье: альтернатива прикладной этики	13 стр.
3. Фронестика как практическая философия морального выбора	18 стр.
4. Что могут и что должны гуманитарная экспертиза и консультирование: эскиз новой функции	24 стр.
5. Чем команда консультантов отличается от «Ученого Совета при Чингисхане»?	38 стр.
6. Литература	44 стр.

Подписано в печать 21.03.1990г.

Исетская типография. Тираж 300. Заказ 74. РД 03207.